

Иван Сирфидов

Почелуй Феи

Книга 1. Часть 2

12+

Иван Сирфидов

Поцелуй феи. Книга1. Часть2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63406743

SelfPub; 2020

Аннотация

Продолжение приключений Лалы и Руна. Лала осваивается с жизнью в человеческой деревне. Рун привыкает к роли жениха феи.

Содержание

Деревня, день первый	4
День второй	61
Конец ознакомительного фрагмента.	176

Иван Сирфидов

Поцелуй феи.

Книга 1. Часть 2

Деревня, день первый

Лала проснулась далеко за утро. Села на лежанке, потянулась сладко. Рун, пока она спала, оставался в доме, работы всякой мелкой накопилось за время его отсутствия. И лопаты подремонтировать, и нож поточить, и дверь в сенях стала плохо открываться, подладить бы надо. Он старался делать всё очень тихо.

– Как же хорошо спать в тепле, да на мягком, да с одеялком, – зевая, довольно проговорила Лала.

– Проснулась, любовь моя? – улыбнулся ей Рун.

– С добрым утром, суженый мой, – ласково ответила Лала. – Ты, я смотрю, хорошо вжился в роль.

– Может для меня это и не роль, – поведал он не без доли иронии.

– А что? – весело полюбопытствовала Лала.

– Ну, вроде как мечта. Мечтаю наяву.

– Так замечтался, что даже невесту не хочет обнять с утра! – с лукавым укором покачала головой Лала. – Вот так

жених!

Рун подошёл к ней, она выпорхнула из лежанки, прижалась к нему.

– Прости меня, Лала, – мягко произнёс он.

Его искренний тон вызывал у неё недоумение.

– За что? – удивилась она.

– Что не был ночью подле. Уговаривал бабулю, но она крепень. Говорит, нельзя неженатым. А ты меня всё звала во сне.

– Правда-правда звала? – с милой доверчивостью ребёнка посмотрела на него Лала.

– Тяжело было от этого, зовёшь, зовёшь, а я не могу прийти. За руку уломал только бабулю, чтобы разрешила тебя держать. И всё.

– Ну, за руку тоже хорошо, – подбадривающе улыбнулась ему Лала. А затем вздохнула. – Не переживай, Рун, ничего не поделаешь. Хотя... грустно будет теперь. Ночами. Я уже привыкла. Быть счастлива, когда сплю. Прямо хоть в лес снова уходи.

Её личико, несмотря на сияние счастьем, приобрело точку выражение печали.

– Может нам... пожениться понарошку? – подумал вслух Рун.

– Как это? – с искренним непониманием побуравила его глазками Лала.

– Ну вот как мы помолвлены, так и пожениться. Как будто.

Обвенчают нас, а мы будем знать, что это всё не взаправду. Тогда все ночи я буду твоя.

Лала рассмеялась.

– Хитренький ты, Рун. Жениться нельзя понарошку. Если в храме жрец обвенчает, это будет по правде. Даже мои мама с папой не смогут такой брак не признать. Каким бы мы сами его не считали, он будет настоящий.

– Ну, тогда, Лала, я не знаю. В лесу, когда на привале, заняться-то особо нечем – хоть заобнимайся. А тут днём дела почти всегда есть какие-то. И ночью нельзя. Береги магию теперь.

– Как грустно, – жалостливо проговорила Лала. – Хочу быть счастлива. И магии. Несправедливо.

– Прости, – по-доброму молвил Рун.

Так они стояли какое-то время молча.

– Вкусно пахнет, – заметила Лала наконец тихо. – Что это?

– О, много всего, – радостно сообщил Рун. – Я бабуле объяснил, что ты ешь... как воробышек, что много не надо. Она сделала помаленьку. Зато разного. И пирожки. С начинками. И булочки. И пряники медовые. И лепёшки с ягодным сиропом. И картофельных оладий.

– Ого! – подивилась Лала. – Как же она успела?

– Рано встала. В деревнях рано встают. Часто до зари ещё.

– Сколько беспокойства из-за меня. Надо перед ней извиниться.

– Ну, Лала, фею почётно привечать. Нет беспокойства.

Наоборот. Ей приятно было это делать для тебя. Переживает, чтоб понравилось.

– Пахнет очень вкусно, – искренне поведала Лала.

– Будешь есть? С чего начнёшь? – деловито осведомился Рун. – Советую пирожки и лепешки. Бабуля в них мастер. Я бы предложил тебе попробовать всё, но боюсь, ты столько не осилишь, даже понемножку.

– Рун, давай ещё так постоим. Мне хочется тепла. Соскучилась. Покушаю чуть позже, – попросила Лала.

– Ну ладо. Мне лестно. Что я тебе важней еды. Красавица моя, – порадовался Рун.

Лала разулыбалась. Неожиданно из задней комнаты слышался звук открывшейся двери, указывая, что кто-то вошёл в избу со стороны огорода. Рун смущённо отстранился от Лалы, заслужив её взгляд, полный недоуменного упрёка. В горницу вошла бабуля. В каждой руке она держала по лукошку.

– Ох, Рун, – произнесла она, качая головой. – Люд не даёт проходу. Всё спрашивают. Правда ли, какая, что да как. И столько их там! Уж и из города народ подходит. Что будет к вечеру, подумать страшно. А ребятёшки под окнами так и толкуются. Да и взрослые иные тоже. Всё норвят заглянуть. Я даже засов заперла, хоть и не ночь. Мало ли. Ещё гостинцы начали приносить. Несут кто что, и мёды, и соленья, и стряпню. Соседи вот платок цветастый даже. И курицу, зажаренную в тесте. Я принимаю, всё-таки для феи. Не смею

отказать. Про курицу уж объясняла им, что феи не едят мясного. Но они назад не взяли. Съедите сами, говорят.

– Доброе утро, бабушка, – сказала Лала приветливо.

– И тебе доброе, дитяtko, – ответила старушка. – Хорошо ли спалось тебе у нас?

– Спасибо, очень хорошо и тепло, – поблагодарила Лала.

– У нас тёплый дом, – кивнула бабуля довольно. – Брать ли дары мне для тебя, доченька? А то я и не знаю, что делать.

– Ну, коли от души даруют. Конечно брать. Отказом обижать нельзя.

– Да много уж еды, – посетовала бабуля. – Боюсь, что пропадёт. Не съест нам столько.

– Ну раздадите позже. Иль угостите всех. Но мяса всё же мне не надо. Это грустно. Вы сами кушайте, а мне не предлагайте, и людям говорите, что не кушаю.

– Да я и говорю. Мне Рун сказал с утра. Но коли принесли, не все берут обратно. Когда узнают.

– Бабушка, можно у вас кое-что спросить? – вежливо обратилась к ней Лала.

– Спрашивай, дитяtko.

– Почему вы запрещаете моему суженому быть подле меня ночью?

У старушки аж слегка отвисла челюсть от удивления.

– Не должно девушке даже спрашивать такое, – осуждающе покачала она головой. – Позор это.

– Бабушка, но я не девушка, я фея, нет для феи в этом

никакого позора. Мы безгрешны.

– Вы может быть. Вот только Рун не фей, – весьма рассудительно заметила бабуля. – Не говори так, доченька, плохо это. Нельзя девице даже говорить подобное.

Лала расстроено посмотрела на неё:

– Бабушка, но вы хотя бы не станете возражать, если мы иногда будем обнимать друг друга при свете дня? Мне это очень нужно.

– Надо же, как любишь его, – подивилась старушка. – Добрый он у нас, а люди этого не видят. Днём пожалуй можно, позора в том нет.

– Ой, спасибо большое, бабушка! – обрадовалась Лала.

Она пристально призывно посмотрела на Руна. Он всё же не решился подойти, и тогда она сама подлетела и обняла его. Бабушка удивлённо покачала головой.

– Когда-то и мы с мужем. Не в силах были надышаться друг на друга, – с тёплой задумчивой улыбкой поведала она. И вышла в заднюю комнату.

– Лала, – тихо произнёс Рун.

– Что?

– Феям правда нет в этом позора? Совсем? Я просто не очень представляю. Допустим, я у тебя в гостях дома в вашем волшебном мире. И вот пора спать, ты ведёшь меня в свою кровать, и твои родители даже не возразят, слова плохого не скажут? Пожелают спокойной ночи, и всё?

Лала густо-густо покраснела. Время шло, а она молчала.

– Лала, не обидел я тебя? – озадачено спросил Рун. – Если обидел, прости, я не со зла.

Лала вздохнула.

– Ах, Рун, я же не знаю, как правильно надо всё делать фее объятий. Не хотела я ей быть никогда раньше. Может я и перестаралась. В следовании своей природе. Вроде бы здесь нет ничего дурного. Но как ты сказал, это очень стыдно почему-то. При родителях. Значит дурное всё же есть. Никогда бы они не позволили такого, я уверена. Но в лесу дурного точно нет. Не чувствую я там дурного. Как-то всё запутано. Вернусь домой, всё изучу уж теперь про свою природу. Я только знаю, это было прекрасно. Спать так. Каждый раз я просыпалась счастливая-счастливая. Словно провела ночь в объятиях ангела. И оттого и днём на душе было очень тепло потом. Не может быть такое дурным никак. Рун, не мучай меня больше этими вопросами! Мы же не делали ничего плохого, правда ведь? Феи всегда следуют своему сердечку, а оно мне твердит сейчас: «я хочу этого очень-очень-очень». Если не верить своему сердечку, зачем и жить тогда. Феям сердечко никогда дурного не посоветует, Рун.

На неё снова накатило счастье, и она ослепительно засияла. Так они стояли какое-то время молча.

– Солнышко моё, – позвал Рун.

– Что, любимый?

– Давай недолго обниматься. Мне всё же надобно помочь бабуле. И в огороде. И по дому. Дров наколоть. Целых пол

месяца не появлялся в деревне, дел накопилось. Ещё воды бы натаскать с реки, но боюсь, проходу не дадут сейчас люди. Потом придётся.

– Несчастливая я девушка, – вздохнула Лала. – Конечно помоги, Рун. Я потерплю.

– Спасибо, Лала. Я думал, ты станешь возражать. Ты добрая.

– Все феи добрые, Рун, – ответила Лала, продолжая сиять.

– Меня интересует лишь одна фея.

– И кто она? – невинно поинтересовалась Лала.

– Ты, милая.

Лала усмехнулась.

– Нравится тебе ласково меня называть, да, мой котёнок?

То солнышко, то милая, то любимая. То красавица.

– А что не надо? Или слишком часто? Или только при людях стоит это делать?

– Да нет, просто странно чуточку, Рун. Я ... несколько другого ожидала. Что будет как бы немножко в шутку. Словно бы игра. А слова-то у тебя искренние, я чувствую.

– Ну, Лала, ты мне совсем не в шутку нравишься.

– Знаешь, Рун, может так и правильно. Мы же не притворяемся женихом и невестой.

– Как это? А что же мы делаем?

– Мы жених и невеста понарошку. Это совсем другое.

– Ещё бы разницу понять.

– Притворяются для других. А понарошку, это... когда

знают, что это неправда. Но всё хорошее, что в этом есть, выпускают себе в сердце. Быть невестой, Рун, приятно. Даже понарошку. А притворяться нет. Есть разница.

– Хоть убей, Лала, не пойму о чём ты.

– Рун, когда мы отмечали свою помолвку, тебе было приятно?

– Да.

– А если бы мы просто изображали помолвку для кого-то, а для самих нас это было неважно, было бы тебе приятно её отмечать? Понарошку, это словно приятный сон наяву, Рун. А притворство это просто ложь, и всё.

– Но мы же всё это затевали, чтобы другие верили, что мы жених и невеста.

– Да, Рун, только вот когда мы отмечали нашу помолвку, там никого кроме нас не было. Зачем мы это делали тогда?

– Лала, мне просто нравится быть с тобой, – мягко сказал Рун. – Хоть празднуя, хоть нет, хоть женихом, хоть не женихом. Но женихом пожалуй поприятней.

– Ну вот, а мне приятней быть невестой.

– Моей?

– Рун, ну я всё же не влюблена в тебя. Просто ощущать себя ей. Чувствовать. Радостней как-то от этого на душе. Светлее. Я может лет с семи представляла себе свою свадьбу. Для меня это важно. Но ты добрый и хороший, чем не жених. И счастья столько даришь. С тобой приятно быть невестой. Когда ты меня обнимаешь, Рун, сильнее всего... ощущаю се-

бя невестой. Уж больно много счастья. Но когда ты ласковое говоришь, пожалуй тоже сильнее кажусь сама себе ей. Слышать такое приятно. Я тоже буду теперь искренне тебя ласково называть, Рун. Ты же мой друг, я много тёплых чувств к тебе испытываю. Это не будет притворством. Это будет от сердца. Пусть это будет тебе ещё один мой дар. Мой зайка.

– Какие у нас странные и запутанные отношения, Лала, тебе не кажется? – покачал головой Рун.

– Нет, Рун. Всё так, как и должно быть. Когда ты с феей объятий.

– Ты уверена?

– Да, – кивнула она безапелляционно.

Неожиданно в дверь избы громко постучали. Лала вздрогнула всем телом.

– Маманя, это я, Яр, – раздался мужской бас снаружи.

– Не бойся, Лала, кажется это мой дядя Яр пришёл, – успокаивающе произнёс Рун. – Он тебя не обидит. Пойду впусти. Вот уж он удивится, когда увидит тебя.

– Минутку не дадут побыть вдвоём, – жалостливо проговорила Лала, и с неохотой отстранилась. – Иди уж отворяй.

Рун вышел в сени, отпер засов, толкнул дверь. На пороге действительно был его дядя.

– Здравствуй, Рун, – сказал он спокойно. – Чего у вас заперто в такой час?

– Здравствуйте, дядя Яр, – ответил Рун.

Дядя шагнул внутрь. Рун поспешил закрыть дверь снова,

ловя множество любопытных взглядов снаружи. Дядя задумчиво посмотрел на него.

– Да-а, – вымолвил он печальным голосом, полным глубокого разочарованного непонимания. – Рун, вся округа на ушах стоит. Из-за тебя. Я даже и не знаю, что думать. Если это розыгрыш какой... тебе лучше спрятаться куда-то. И в наших краях не появляться боле никогда. Ты понимаешь, как ты далеко зашёл?! Барон собрал совет! И кажется, что ты тому виной. Ох, Рун...

Они вышли в горницу, и дядя Яр сразу онемел. Лала стояла пред ними во всей красе, расправив крылья. Улыбалась приветливо. У Яра на лице сменилось несколько колоритных выражений: потрясение, испуг, растерянность. А затем он вдруг упал на колени и поклонился Лале так низко, что лбом ударил в пол.

– Неужто я не сплю? – молвил он ошеломлённо, таращась на неё широко открытыми глазами.

– Дяденька, зачем вы на коленки опустились? – с удивлением спросила Лала. – Пред феями не становятся на коленочки. Пожалуйста, поднимитесь. Тем более, мы почти родственники уже.

– Дядя, встаньте, вы чего? – попросил Рун.

Дядя Яр послушался, медленно с трудом вернув себя в стоячее положение.

– Добрый день, – радушно произнесла Лала. – Меня зовут Лаланна.

Дядя молчал.

– А вы, я знаю, дядя Руна, Яр. Я рада познакомиться, – продолжила Лала, видя, что гость пока не в силах говорить.

– Так это правда? Вы его невеста? – сдавленным голосом выдавил он из себя.

– Да, – просто сказала Лала. – Рун мой жених.

Дядя уставился на Руна в изумлении, словно видел его впервые. Потом снова перевёл взгляд на Лалу.

– Да, Рун, – тихо проговорил он, качая головой. – А мама тут всё горевала, на ком тебя женить. Причитала: и сам не хочет даже думать, и в округе вряд ли кто пойдёт в жёны. Ну, может только нищенка какая. Хроменькая. Или сиротка.

Он расхохотался немного ошалело. Лала тоже улыбнулась.

– Дяденька Яр, может вам присесть?

– Присяду, – согласился он. Тяжело опустился на лавку.

– Дядя, вы к нам надолго? – спросил Рун озабочено. – Не можете до вечера остаться? Мне было бы спокойней. А то народ там собирается. Боюсь, как бы кто ломиться не стал. Мы вечером обещали людям показаться. Дотерпят ли, не знаю.

– Рун, я тут не по своей воле, – извиняющимся тоном поведал дядя. – Барон послал. Там в замке, знаешь ли, слегка переполох. Барон призвал к себе и рыцарей своих первых. И начальника стражи. И советника. И мага. И даже настоятеля монастыря у него видел. И глава деревенский у него тоже ошивается. Про тебя меня немного расспрашивал барон. А

потом послал убедиться, что не слухи всё. Я думал, они там перебрали просто. Нетрезвые. Но и вне замка народ взбудоражен. Тогда решил, наверное ты что-то тут устроил. Наврал кому быть может невзначай. А люди и поверили. Мне надо возвращаться. С докладом. Задержусь, как бы не выпороли.

– Ну... ладно, – понимающе пожал плечами Рун.

– Водички бы попить, – смиренно попросил Дядя.

– Сейчас.

Рун быстро наполнил ковш из небольшой кадлушки, поднёс гостю. Тот осушил его почти весь.

– Бабулю-то позвать? – спросил Рун. – Куда-то вышла, должно быть в огороде.

– Не надо. Намедни виделись. Скажи, что на минутку заходил. Поклон передавай ей от меня.

– Ага, – кивнул Рун.

В воздухе повисло молчание.

– Ну, я пойду, – дядя встал, всё так же пребывая в некоторой прострации. – Госпожа фея, я горд знакомству с вами. Большая честь.

– Дяденька Яр, я вам не госпожа, я Лаланна. Можно Лала. Я тоже очень рада познакомиться, – приветливо ответствовала Лала.

– До свидания, Лаланна. Поди ещё увидимся теперь.

– Конечно будем видеться, – улыбнулась она. – Дяденька, у меня есть просьба небольшая.

– Ко мне? – недоумённо посмотрел на неё Яр.

– Ну да. Вы же увидите барона. Пожалуйста передавайте ему моё глубокое почтение. И ещё ему скажите, что я хотела бы прийти к нему с визитом как-нибудь. Быть может послезавтра. Если он не против.

– Поверье, он не будет возражать, – уверенно заявил дядя Яр. – Я передам с великою охотой! Большая честь вам послужить.

– Спасибо. И до встречи.

– До свиданья.

Дядя Яр поклонился и вышел в сени. Рун пошёл запереть за ним дверь.

– Ох, Рун! – полушёпотом вымолвил Дядя потрясённо. – Ну ты и счастливчик! Ты меня... убил. А красива-то как, бог ты мой! Это что, ты ведьминым зельем её поймал?

– Ага, дедовым.

– А мы смеялись над папашей, что он его хранит.

– Я не смеялся никогда.

– Ну, ты-то был малец. Всем его сказкам верил.

– Это не сказки были. Как видите.

Дядя Яр вздохнул.

– Похоже так. Пойду я, Рун.

Он отворил дверь, вышел. Уже за порогом обернулся, глядя на племянника с грустной неуверенной растерянностью.

– Не обижай фею-то хоть, – попросил он мирным почти извиняющимся тоном.

– Не обижу ни за что, – твёрдо заверил Рун.

Рун вернулся в комнату. Лала смотрела на него с улыбкой и молчала. Он сел на лавку.

– Лала, иди ко мне, – позвал он её.

Лала мгновенно припорхнула к нему, села рядом и прижалась к груди.

– Соскучился? – усмехнулась она.

– Я всё ж таки решил с тобой побыть сегодня, – сказал Рун тихо. – Ты так вздрогнула, когда дядя в дверь постучал. Я знаю, ты боишься. Не хочу тебя оставлять одну.

– Просто скажи, что очень хочешь обниматься со мной, Рун, – счастливо произнесла Лала.

– Ох, Лала, ты меня насквозь видишь. Ничего-то от тебя не скрыть, – с улыбкой посетовал он.

Лала вздохнула.

– Рун, мне и правда не по себе. Как подумаю про вечер, внутри аж холодеет. Почему-то когда мы были в лесу, не казалось, что будет страшно. Среди людей. Но страшно. Очень.

– Ничего уж не поделаешь, Лала, теперь. Может мы ошиблись, может надо было сразу идти к барону, просить помощи. Там всё же ты была б защищена. Хотя бы от толпы. От зевак. Когда бы в замке поселилась. Ну, если что, если будут проходу не давать, придётся идти к барону.

– Было бы странно, Рун, твоей невесте не у тебя, а у барона поселиться. И обниматься как тогда?

– Безопасность важнее объятий, Лала.

– Рун, знаешь что мне всего страшнее? – промолвила Лала напряжённо.

– Что?

– Вот выйдем мы к людям. А они станут требовать чуда. Чтоб я им совершила. А я ведь не смогу. И этим их обижу. И станут они сердиться на меня. Чувства злые ко мне испытывать. Рун, феи, когда испуганы, не могут добрые чудеса колдовать. Никак. И когда с них требуют чуда, не могут. И не могут колдовать для кого угодно. Чудо феи всегда надо заслужить. Добрым поступком, или ещё как-то. Я, Рун, для тебя легко-легко могу колдовать. Я думаю, тут множество причин. И то, что ты меня поймал. Я как бы дарована тебе небом. Поэтому и чудеса мои тебе назначены. И то, что счастлива с тобой. И что ты мой друг. И что отпустил, когда поймал. Это поступок очень значимый. Он заставляет моё сердечко трепетней относиться к тебе. И ещё ты очень добрый. Я, пока с тобой, тебя узнала. Для чистых сердцем колдовать легко. Для других я не смогу так же легко колдовать. Когда они ничем не заслужили. И я не знаю их. Вдруг среди них злодеи есть. Тогда уж точно ничего не выйдет. К тому же для толпы, как ярмарочный маг, наверное ни одна из фей творить волшебных чар не в силах будет. Меня опустошит от маленького чуда, если попробую. И чудо может и не выйти, даже маленькое. Во мне будет сопротивляться всё внутри, протестовать. Такому колдовству. Не могут феи колдовать для всех или по принуждению. Мы так устроены.

А испуганной я даже и для тебя не смогу доброе колдовать. Не знаю, что делать. Испуганной я могу только защитные заклятья колдовать.

– Лала, а в чём разница между добрыми и защитными заклинаниями? – поинтересовался Рун.

– Ну, Рун, доброе волшебство направлено на то, чтобы порадовать, восхитить, вдохновить, одарить. Сделать приятное. А защитное – чтобы оградиться от зла или беды. Чтобы спастись. Иль избежать чего-нибудь плохого.

Рун задумался.

– Получается, Лала, надо как-то всем рассказать, чтоб знали, что ты не можешь и почему. Тогда не станут требовать чудес. Не посмеют. Придётся мне пойти пройтись по деревне. Все будут приставать с расспросами, стопудово. Тут я и расскажу. Только вот тебя страшно одну оставлять.

Лала оторвалась от его груди, подняв голову.

– Рун, я боюсь одна, особенно когда ты будешь где-то вдалеке. Не рядом с домом даже. Не бросай меня, – умоляюще попросила она, глядя ему в глаза.

– Не брошу, милая. Не брошу, – пообещал он. – Но надо будет что-то придумывать.

– Спасибо. Мой зайка, – произнесла она благодарно.

– Любимая, – сказал Рун с усмешкой. – Что-то у тебя у тебя не ладится с ласковыми именами. Говорила, будешь искренна, а у самой как будто с юмором звучит немного.

Лала посмотрела на него пристально как-то очень по-доб-

рому, и вдруг сказала нежно-нежно:

– Мой зайка.

У Руна на мгновение даже перехватило дыхание.

– Ничего себе! – проговорил он удивлённо. – Аж до печёнок проняло. Что это было, Лала?

– Вот это, Рун, и называется «девичья нежность», – просто ответила Лала, продолжая смотреть на него с ласковой теплотой.

– Да, Лала! Это страшное оружие. Скажу я, – покачал он головой, всё ещё пытаясь прийти в себя.

– Ага, Рун, так и есть. Мечом девушке мужчину ни в жизнь не победить. А нежными словами раз и всё. Тебя бы я в два счёта победила, – лукаво улыбнулась Лала.

– Да я не сомневаюсь, – добродушно согласился Рун.

Она положила голову ему на плечо.

– Лала, – сказал Рун.

– Что?

– Только это тоже не искренне, – вздохнул он.

– Почему это? – удивилась Лала, сияя счастьем.

– Ну, ты ко мне такого точно не чувствуешь.

– Много ты понимаешь, Рун, в чувствах девушек, – умиrotворённо произнесла она.

Лала сидела за столом с довольным личиком. Перед ней стояли во множестве разные нехитрые деревенские яства.

– О, целых пол пирожка умяла! – сообщила она радостно. – Объелась, аж пузико трещит. Вкусно очень. У нас дома совсем другая выпечка. Ни капли не похоже. Ваша очень необычная. Но тоже вкусная. Замечательная!

– Да уж, Лала, – подивился Рун. – Ну ты и ешь. Знаешь, сколько я могу таких пирогов умять? Десяток точно. Запросто. А может и поболее.

– Десять? – недоверчиво посмотрела на него Лала. – Вот это да! Да как же может столько поместиться в животике? Оно не влезет.

– Ну как-то вот влезает. Ещё и остаётся место.

Лала удивлённо покачала головой.

– Не верю! Покажи. Скушай сейчас.

– Да я уже наелся, пока ты почивала. К чему зазря еду переводить. Тем более, зачем мне пироги, когда нам курицу отдали. По мясу соскучился страх как. Наконец-то поем. Сегодня вечером. Прямо мечтаю.

– Прости, из-за меня тебе приходится страдать, – ласково улыбнулась Лала. – Мой рыцарь.

– Ну, я бы не назвал это страданием, – засмеялся Рун. – Вообще-то я пожалуй впервые счастлив. Очень.

– Из-за меня? – разулыбалась Лала.

– Ага. Это ж не голод всё же. Без мяса можно обойтись. Просто немного непривычно. Я ж вроде как охотник. Уж летом мясо почитай всегда. У нас бывало. Ещё бы ты мне даровала. Допустим, ма-аленькую жертву. Как компенсацию за

то, что я терплю столь страшные лишения. Ради тебя. Совсем бы было хорошо. Ну или лучше замуж за меня. Тогда готов всю жизнь прожить без мяса.

– И курицу не стал б сегодня, коль я сейчас сказала б «да»?

– Не стал бы.

– Мой герой, – порадовалась Лала. – Рун, лишать тебя мяса совсем было бы жестоко. Феи так не поступают. Волки вот кушают других зверей, мы же на них не в обиде. Раз боги сделали их плотоядными, знать так нужно. Тебе при мне не надо убивать. Желательно вообще не убивать. Покуда я с тобой. Мне будет грустно. Очень. А кушать кушай. Но если голодно, то можешь и охотиться. Я стерплю. Что делать, коли вы такими созданы. Главное, Рун, если станешь кушать при мне плоть, делай это так, чтобы я не видала останочков и косточек. А то это тоже очень тяжёлое зрелище будет для меня. Возможно именно поэтому феи сотворены не способными влюбляться в вас, людей. Мы с вами разные излишне. Коль суженый убьёт, то будет трудно фее, коль не убьёт, то тяжело ему. Уж лучше порознь, всякий в своём мире.

– Ну может ты и права, – задумчиво промолвил Рун. – Но я бы всё же лучше предпочёл без мяса и с тобой. Чем наоборот.

– Рун, феи тоже как бы кушают мясное, – заметила Лала. – Мы любим яички. Только мы их не ворует из птичьих гнёздышек, нам курочки их несут. Сами. Если курочка снесла яичко без петушка, из него никто и не выведется, это не

убийство.

– Яйцо это и есть яйцо, – возразил Рун. – Это не мясо, Лала.

– Рун, из яичка кто вылупляется? Птичка. Которая из плоти состоит. Яичко это тоже плоть, только в другой форме. В жидкой. Так что феи не столь уж различаются с людьми. Ещё, Рун, есть плоды растений в нашем мире, которые и по вкусу, и по ощущению, и по сытности, если их правильно приготовить, как мясо будут. Почти не отличишь. Поэтому навряд ли ты б страдал излишне, коль жил бы среди нас у нас. Моим супругом.

– Ну слава богу! – с шуточным облегчением обрадовался Рун. – А то я уж подумал, придётся разрывать помолвку. Когда мне после свадьбы рок сулит провести остаток жизни без мясного.

– Мужчина есть мужчина, – улыбнулась Лала. – Все мысли только о своём желудке.

– Мои все мысли о тебе, родная, – добродушно поведал Рун.

– Спасибо, милый, – ласково ответила она.

Рун подошёл к ней, сел рядом, взял её за руку. Она с весёлым интересом уставилась на него, словно ожидая, что он предпримет дальше.

– Лала, – сказал он мягко, – Мне всё же надо как-то к деревенским выйти, чтобы объяснить им про тебя. Чтобы чудес не ждали. А если с тобой бабуля посидит, тебе всё равно

будет страшно?

Лала призадумалась на мгновение.

– Нет, Рун, с бабулечкой не будет страшно. Она хорошая и добрая. Знаешь, Рун, у меня ведь много магии. Сейчас. Я могу постоять за себя. Если кто захочет обидеть. Просто одной боязно. С бабушкой будет не боязно. Только вот с ней не обнимешься, и вряд ли она так... трепетно начнёт держать за ручку, – Лала тепло и чуть иронично побуравила его глазами.

– А как ты себя можешь защитить? – заинтересовался Рун. – Какой магией? Проклятьями?

– Ах, Рун, ну я же говорила уже тебе как будто. Что магия творится по наитью. У фей. Её можно тренировать и обучаться конкретным чудесам. Но не в защите от злодеев. Это ведь злая магия, её феям неприятно учить и тренировать. Когда я испугаюсь, то что-нибудь и сотворю. А что, сама не ведаю, почувствую лишь в миг испуга. Я слышала, одна из фей наложила временную слепоту на человека, который причинить ей зло пытался. Другая в момент опасности призвала каменного голема. Я сейчас достаточно могущественна, чтобы тоже что-то подобное сотворить. И потом, на мне защитные чары, кажется проклятье их не снимает, когда я с магией. Они очень мощные, ни клинком ни стрелой меня не ранить, огнём не обжечь. Они не спасут от пленения, от пут, от... боли при побоях. Но от оружия защитят всегда.

– А что такое голем?

– Ну, статуя ожившая. Каменный человек. Или нечто похожее. Из камня существо. Бездушное, но не злое. Зло от чёрной души исходит, в бездушных нету зла, им просто всё равно, что зло творить, что доброе. Когда они призваны фе-ей и защищают её, они не будут без нужды жестокости учинять. Но и милосердия к врагам в них искать не стоит.

– Ого! – удивился Рун. – Каменный человек. Его же, получается, ни мечом ни копьём не возьмёшь. Он наверное способен один целые армии побеждать.

– Рун, такая магия недолговечна, – поведала Лала. – Та фея, что призвала его, могла это сделать всего на пол минутки. Она спаслась только потому, что нападавших было мало и они испугались. Несколько пало от его каменных кулаков, остальные в панике разбежались. Но она опустошена была, когда его призвала. Против армии голем бесполезен.

– Я не думаю, Лала, что кто-то здесь хочет тебе зло причинять. Но может пьяный или взбудораженный сильно, нетерпеливый до чудес, начнёт ломиться. Этого боюсь, – озабоченно сказал Рун. – Особенно, что это будет кто-то из знати безземельной, не рыцарь, а наёмник там какой, иль может городской любитель вин спесивый. Не всяк посмеет знатному перечить. А они порой считают, им всё дозволено.

– У вас и так бывает? – грустно спросила Лала.

– Так может быть. Наверное. Если не повезёт.

Лала призадумалась.

– Рун, уж коли соберётся знать в деревне, наверняка и те,

что благородны душой, тут будут, и кто трезв. Они и остановят негодяя. Не бойся. Ты слишком беспокоишься за меня. Не надо. Всё будет хорошо.

– Наверно так, – вздохнул он.

Лала хитро улыбнулась:

– Ну или ты можешь разрешить мне колдовать. Немножечко. Без штрафа, Рун. Тогда нужды не будет уходить. И сможешь обнимать меня сегодня. Так и быть. Иль за руку держать, если захочешь.

– А что за колдовство?

– Ты вроде говорил, у вас есть козочка.

– Да, есть, – кивнул Рун.

– Ну вот, веди её сюда, я попрошу её стать на сегодня моим глашатаем. Если у неё не скверный характер, она не откажет ни за что.

– Она ласковая.

– Ну вот и славно. Пусть ходит по дворам и всем рассказывает. Про всё, о чём нам надо.

У Руна глаза аж заблестели.

– Ого! – подивился он восторженно. – Лала, народ попадет! Все очумеют просто! У нас такого не было ещё. Чтоб козы говорили.

– Это очень хорошо, Рун. Тогда и чудо им явлю. Порадую. И расскажу что надо. И заодно от дома отвлеку. Все будут лишь за ней ходить, и про меня на время позабудут.

– Ну, я согласен. Это необходимость. Крайняя.

– Так хочется меня пообнимать? – весело спросила Лала.

– Ужасно хочется. И за руку держать. Но только при бабуле неудобно. Краснеть стану, когда зайдёт.

– Рун, ты мне будешь нравиться и красным, – улыбнулась Лала.

Она придвинулась к нему, припала к груди и вздохнула счастливо.

– Ну вот и просветлело на душе. И страх ушёл. Почти. Рун, феям всё же надо колдовать. Без этого немножечко тоскливо.

– Лала, – проговорил Рун с сожалением. – Нельзя тебе часто колдовать при мне. Магия уже раз уходила. А значит и ещё может уйти. Я чувствую, что может. Влияет она на меня. Очаровывает сильно. К тому же уговор есть уговор. Когда б я согласился на отмену, я бы утратил честь. Никак нельзя. Итак колдуешь помаленьку временами. Заметь, без штрафов.

– Несчастливая я девушка, – деланно расстроилась Лала. – Жестокосердный мне попался кавалер.

– Вообще-то я жених.

– Тем более. Несчастливая я фея.

– Поэтому так светишься от счастья?

Лала не ответила, лишь вздохнула с улыбкой.

– Рун, – сказала она вдруг тихо.

– Что, Лала?

– Я тебя люблю.

В её словах было много-много искренности и тепла.

– Да знаю, – добродушно промолвил Рун. – И я тебя.

– Нет, не знаешь. Сейчас в сердечке аж бушует. От чувств к тебе. Ты мой лучший друг. Ещё никто наверное мне не был столь близок.

– Ну дак, – усмехнулся Рун. – Когда мы прижимаемся к друг другу. Я тоже не был близок так ни с кем. Что аж про света нету меж телами. Сближаешься с тем, кто так рядом, хочешь ты того или нет.

– Наверное, Рун. Только это всё не важно. В чём причины. Когда подобное чувствуешь.

– Пожалуй, – согласился он.

– Рун.

– Что, Лала?

– Знаешь. Когда мне принесли подарков столько. Встречают так радушно. Ваши люди. Я благодарной чувствую себя. И потому есть некоторый шанс, что мне теперь удастся сотворить хоть маленькое чудо при толпе. Скорей всего, я думаю, не выйдет. Но шансик всё же есть.

– А если не получится? Всё равно же магия потратится?

– Ну да, – подтвердила она виновато.

– Так может быть не надо, Лала? – с надеждой попросил Рун. – Ты ж говоришь, при толпе её много уйдёт.

– Неблагодарной быть нельзя, Рун. Тем паче, при знакомстве. Это необходимость. Крайняя.

– Так уж и крайняя? – усмехнулся Рун.

– Очень крайняя.

– Ну ладно, – сдался он. – Колдуй и здесь без штрафов.

– Ты хороший, – обрадовалась Лала.

– Или глупый. Во всём иду на поводу.

– На то и нужен кавалер, чтоб потакал любимым капризам.

– Понятно.

Из задней комнаты раздался звук открывающейся двери.

Рун сразу машинально отстранился от Лалы в смущении.

– Ну, Рун! – чуть расстроено и обиженно воскликнула Лала. – Ну что это такое?!

– Не привык я к подобным вещам, делать их прилюдно, страх как неловко, – извиняющимся тоном объяснил он.

– Рун, не стесняются объятий те, кто помолвлен, и кто... любит. Невеста – самое дорогое, что есть у жениха. Пойми же! Ты должен не замечать весь мир, когда я рядом.

Она снова придвинулась к нему и прильнула.

– Прости, я постараюсь не смущаться, – пообещал он тихо.

– Да ладно уж, смущайся. Это так мило, – улыбнулась Лала.

Вошла бабуля. Вид у неё был несколько озабоченный.

– Ну не дают ничего делать! – пожаловалась она. – Кричат и через ограду. И всё «когда, когда», и «какая», и что да как. И всё несут гостинцы. А народу-то, народу! На улице. И всё пребывает. Говорят, уж и весь постоялый двор деревенский забит, и в трактире не протолкнуться. Из города всё едут.

Мне страшно, Рун. Столько люда по-моему и на казни у нас не собиралось никогда. И ведь ещё не вечер.

– Бабушка, можно мне у вас вашу козочку одолжить ненадолго? – попросила Лала.

– Нашу козу? – удивилась старушка. – Зачем?

– Я её немножко заколдую. Чтоб стала на сегодня моим глашатаем. Она будет ходить и всем рассказывать обо мне. То, что мне надо. Заодно и отвлечёт толпу от дома. И развлечёт. И даром станет. Моим волшебным тем, кто прибыл меня увидеть.

– По-человечьи будет говорить? – недоверчиво спросила бабуля.

– Будет. Только мне её надо видеть. Сюда её привести или мне к ней выйти.

– Нет, выходить не надо, – покачала головой бабуля. – А то народ уж не уймётся. Ещё ограду нам снесут. Сейчас приведу.

Она быстро вышла и вскоре воротилась с серой козочкой. Лала оторвалась от Руна, подлетела к козе, опустилась перед ней на корточки и погладила по голове.

– Как тебя зовут, милая, – ласково спросила она.

– Шаша, – отчётливо произнесла козочка тонким голоском.

Бабуля так и оторопела.

– Свят, свят, свят, – поражённо запричитала она, набожно сотворив в воздухе знак оберега.

Рун тоже был взволнован. Хоть и видел уже и медведя говорящего, и птичку, и русалку. Но разве к чудесам привыкнешь.

– Какое красивое имя, – похвалила Лала искренне. – Милая Шашенька, не могла бы ты сегодня побыть моим глашатаем? Будешь ходить по деревне и объявлять людям то, что я тебе скажу.

– Я глашатаем?! – ошалело переспросила козочка, словно не веря своим ушам.

– Да.

– Вот это Шаша. Ай да вознеслась, – задумчиво промолвила козочка в глубоком изумлении. – Я глашатай. Мама бы гордилась. Все будут слушать. И внимать.

– И знатный будет слушать, и простолюдин. Так ты согласна?

– Я собак боюсь, – грустно поведала Шаша. – Бывает, за ноги хватают. Больно.

– Когда мой вестник ты, тебя они не тронут. Я обещаю.

– Тогда согласна, – кротко ответствовала коза.

– Как славно! – обрадовалась Лала. – Спасибо, Шашенька. Раз так, то слушай. Ходи между дворов по всей деревне. И объявляй, уверенно и громко. Чтоб все услышали. Что ты мой глашатай. И что просила я тебя предавать всем-всем моё великое почтение. Что выйду показать себя под вечер, как солнышко почти склонится к лесу. Пройдусь открыто, дабы все меня узрели. Но вот чудес творить наверно не смо-

гу. Я попытаюсь, но скорей всего не выйдет. Им объясняй, что феи не умеют творить счастливой магии публично перед большими толпами народа. Что чудо феи надо заслужить каким-то добрым стоящим поступком, и с ним благоволением богов, что таковы законы волшебства, и от желанья фей то не зависит. Передавай, что я прошу прощения, за то что вероятно не смогу порадовать их взоры чудесами. Но в этом вовсе нет моей вины. Нисколечко. Запомнила, родная?

– Я всё запомнила и всё всем передам, – уверенно пообещала коза.

– Спасибо, Шашенька, – Лала приобняла козу, а потом снова погладила по голове. И отступила.

– Бабушка, – обратилась она к обомлевшей шокированной женщине. – Не хотите ли поговорить со своей козочкой? О чём-нибудь. Сейчас, пока есть шанс. Потом возможно и не будет. Мне Рун немножко запрещает колдовать без значимого повода.

Бабушка нетвёрдым шагом подошла к козе, опустилась перед ней на колени.

– Шаша, не обижаешься ли ты на меня? – сдавленным голосом произнесла она с трудом.

– Нет, совсем нет! – очень по-доброму ласково ответила коза. – Я тебя люблю.

– И я тебя, – из глаз старушки полились слёзы. – Кормилица ты моя! Подруженька верная! Не больно ли тебе, когда я дою тебя?

– Нет, вовсе нет, – опять очень тепло уверила коза. – Мне совсем не больно. Даже нравится.

– Хорошо ли я тебя кормлю?

– Хорошо. Только... Хлебца бы почаще, – мягко попросила коза. – Очень вкусный.

– Хлебушек любишь?

– Да.

– У нас, Шаша, не всегда бывает хлебушек. Но когда будет, я тебе теперь каждый-каждый раз буду давать кусочек! – пообещала плачущая старушка.

– Правда? – обрадовалась Шаша. – Спасибо.

Бабушка обняла её.

У Лалы на глазах тоже выступили слёзы. Она утёрла их кулачком.

– А ты что плачешь? – с доброй улыбкой спросил Рун у неё шёпотом.

– Трогательно очень, – тихо ответила она.

Рун подошёл к ней и обнял. Так они обнимали. Рун фею, бабушка козу. Наконец старушка поднялась.

– Пойдём, Шаша. Я с тобой пройду. Присмотрю, чтоб не обижали. Закройся, Рун, за нами понадёжней, – она была в слезах, но уже не плакала.

Она вышла с Шашей в сени, Рун поспешил за ними. Вскоре раздался скрип засова. Рун вернулся к Лале.

– А ты всё слёзки льёшь, – улыбнулся он ласково, и снова обнял её. – Ну что ты, милая.

– Рун, – сказала она растрогано. – Знаешь, феи вот ради этого живут. Ради такого. Вроде и чудо небольшое. А столько чувств хороших пробуждает. В сердцах. Поэтому феи любят ваш мир. За это. У нас, Рун, все привычны к чудесам. Фее трудно такое хорошее пробудить в ком-то столь просто. Порадуются, да, но не расчувствуются и не удивятся. Со всем другим. Правда, ваш мир жесток. Иные феи, кто тут побывал, потом порою плачут. От воспоминаний. И не рассказывают никому, что видели. И даже надломленными иногда становятся, словно пережили то, чего не вынести. Надолго здесь фее лучше не оставаться. Но всё же у вас много есть такого, чего у нас... при фее не случится. Что в душах ей не вызвать столь легко. Простою магией.

Она тяжело вздохнула от переполняющего её светлого умиления.

– Да, бабушку мою ты сразила, – покачал головой Рун. – Прямо наповал. Да и меня всё удивляешь. А что сейчас будет в деревне. Я даже и представить не могу. Хотел бы я на это посмотреть. Жаль, не увижу.

– Рун, ты сходи, коли сильно хочешь, – предложила Лала добродушно. – Ты с феей, а чудес так мало видишь. Только недолго, а то боюсь одна.

– Нет, – возразил он с мягкой улыбкой. – Моё чудо здесь со мной. Других мне не надо.

День стал клониться к вечеру. И Рун понял, что пора. В каком-то смысле это было даже облегчение. Ждать и страшиться грядущего тяжело. Но всё равно ему было не по себе. Лала тоже заметно волновалась.

– Рун, я хорошо выгляжу? – обеспокоенно спросила она.

– Да.

– А волосы как? Причесать бы. Ещё раз.

– Лала, это очень долго, не успеем. Да и зачем, они и так чудесны. Расчёсаны идеально, не сомневайся даже.

– А платице как? Сзади ровно сидит?

– Сидит отлично. Лала, поверь мне, ты великолепна. Очаровательна, аж сердцу больно, как смотришь на тебя. Не наводишься, сколько не смотри, я вот люблюсь, и не налюбуюсь. Никак. Наверно нету в нашем мире ничего, что бы могло по красоте с тобой сравниться. Хоть сколько-то. Хоть на мизинчик. Правда.

– Ого, как много пыла, – разулыбалась Лала. – Ты прям меня пугаешь, Рун.

– Пугаю пылом?

– Да.

– А это плохо? Когда он есть.

– Не знаю. Нет. Но просто непонятно, откуда он, ведь ты меня не любишь.

– Уж прям и не люблю?

– Ну, не влюблён.

– По мне, так очень даже я влюблён.

– А где моё могущество тогда?

– Похоже, где-то обронилось просто. Может проклятье не даёт могуществу родиться от любви, но она есть.

– Поверь мне, Рун, ты не влюблён, – уверенно заявила Лала. – Это не скрыть никак. Я бы увидела. Тогда б и пыл был постоянно. И ты бы был... как будто окрылён, всё время воодушевлён, и счастлив и страдал одновременно. Вот так примерно. Всё было бы.

– А ты откуда знаешь? Как быть должно, – поинтересовался он.

– Догадливая.

Рун усмехнулся.

– Тебя, моя голубка, не поймёшь. То жалуешься, мало комплиментов, то их пугаешься.

– Загадочные девы существа. Непостижимые для вас, мужчин. Смирись с этим. Мой зайка, – с юмором посоветовала Лала.

– Да я смирился уж давно.

– Мне было приятно, Рун. Очень – уже без шуток сказала Лала тепло. – Почаще мне такое говори. Но это глубже проникает в сердце, когда не в суете при сборах говорят, а при объятьях нежных.

– Ну то есть надо было приобнять сперва.

– Ну, может быть, – улынулась Лала.

Рун взволнованно вздохнул.

– Эх, бабули так и нет. Всё, Лала. Надо выходить. Готова?

Она тоже вздохнула.

– Да. Только страшно. Знаешь, Рун, если среди народа будут малыши, и я увижу их с собою рядом, я растрогаюсь, и волшебство мне станет проще для толпы свершить. Но может всё равно не выйти. Терзает меня это.

– Лала, – сказал вдруг Рун с задумчивым видом.

– Что, милый?

– А ты можешь при толпе колдовать для меня?

– Для тебя? Могу, пусть хоть весь мир вокруг сберётся.

Мне для тебя легко творить.

– Так ты твори при них для меня. А они будут думать, что это для них. Вот и всё. Так выйдет?

– Ох, правда! – обрадовалась Лала. – Ты очень умный, Рун! Только...

– Что?

– Наверное нельзя так поступать, – опечалившись, промолвила она. – Я словно всех их обману тогда. Они будут считать, творю я от души для них. А это для тебя. Нечестно и немножко грубо.

– Лала, мы не их обманываем, а твою природу. Раз она препятствует тебе следовать велению сердца, мы это обойдём вот так. Ведь для меня ты можешь творить и когда никого рядом нет. Так что это будет для всех.

– Я не могу творить для тебя, когда мы одни, ты мне не разрешаешь, – возразила Лала с деланной грустью, иронично глядя на него.

– Да почему я не разрешаю, Лала!?! – с безупречно правдоподобной искренностью подивился Рун. – Я-то как раз только за. Двойная выгода. И чудеса, и жертвы. Твори когда захочешь.

– О, спасибо! Ты очень добрый. И бесхитростный. Мой суженый, – весело рассмеялась Лала. – Пойдём, Рун. А то все ждут. Давно. Ступай со мной уверенно и гордо, с достоинством. Без зазнавайства, просто с уваженьем. И к людям, и к себе. Не опуская головы. Ты всё же ныне важная персона. Теперь, когда мой будущий супруг.

– Я постараюсь, Лала, – пообещал Рун.

Он взял её за руку, и они направились в сени. Перед дверью Рун ещё раз глубоко вздохнул, собираясь с силами, отпер засов. Затем вдруг обнял Лалу. Она посмотрела ему в глаза тепло и добродушно.

– Ну, с богом, – произнёс он тихо.

– Всё будет хорошо, Рун, – ласково приободрила его Лала.

Рун выпустил её из объятий, толкнул дверь и не раздумывая шагнул вперёд, сжимая маленькую изящную ручку Лалы в своей руке. Даже сейчас, в этот миг большого волнения и тревог, он отчётливо чувствовал, как это приятно сердцу. Просто держать Лалу за руку. Быть с ней. В столь значимый и сложный момент их жизни.

На пороге Рун и Лала остановились. Из-за ограды на них немедленно уставились наверное тысячи глаз. Вся улица бы-

ла в людях, просвета нет, а на ближайших домах сидели и на крышах. Вдруг резко наступила мёртвая тишина, все разговоры смолкли, и по толпе дружно прокатился вздох изумлённого умиления. Он прозвучал столь громко и явственно, словно людская масса была огромным единым живым существом. У Руна по всему телу пошли мурашки. Большим усилием воли он заставил себя сдвинуться с места, поведя Лалу дальше. К калитке. Прямо у калитки по ту сторону ограды он с удивлением увидел старого барона, вместе со старшим сыном, с рыцарями, с приближённой знатью. При бароне находились только мужчины. Эта группка пребывала на пяточке свободного пространства, рядом с ними никого не было, но только буквально шагов на пять-шесть, а далее начиналась основная толпа. Ближе всех располагались местные дворяне, среди которых виднелись порой и дамы, но совсем немного. Ну а далее топтался простой люд, и городской и деревенский, и там уж и женщины и мужчины вперемешку, деревенские вообще семьями, всяк со всеми детьми. Совсем маленьких держали на руках.

Рун отворил калитку. Вид у барона был ошеломленный, как у человека, слегка утратившего ясность восприятия. Его сынок, молодой барон, смотрел на Лалу во все глаза, с чуть приоткрытым ртом. Довольно странно было наблюдать этих господ, всегда столь важных, столь уверенных в себе и горделивых, в таком смятении. Рун поклонился барону в пояс.

– Моё глубокое почтение, ваша милость. Лала, вот это ба-

рон Энвордриано, хозяин и хранитель сих земель, наш добрый справедливый повелитель. И сын его, наследник.

Барон, несмотря на своё шоковое состояние, умело выполнил галантный замысловатый поклон по всем правилам дворцовых этикетов, остальные его спутники склонили головы в знак приветствия. Лала, ненадолго отпустив руку Руна, ответила им изящным воздушным реверансом.

– Ах, господа, милорд, большая честь, что вы ради меня сюда пришли! – радушно промолвила она. – Мне лестно очень, и почётно, не ожидала, что сам правитель здешний прибудет поприветствовать меня. Я польщена. Спасибо.

– Как мог я не прийти к вам! – с чувством произнёс барон. – Когда в моих вы землях. Это честь! Вам засвидетельствовать своё почтение. Хоть сутки у порога здесь, хоть двое, стоять готов был терпеливо. Чтоб вас увидеть, чтобы поклониться. Я ваш слуга навек покорный! Любой каприз ваш, даже самый мелкий, любую просьбу или пожеланье, за счастье почту исполнить. Вы восхитительны, чудесны! Вы чудо сами по себе! Но ваша красота... Достояна преклоненья неба! Я уж в годах, немало видывал красавиц. За свою жизнь. Но если их поставить рядом с вами. Вы будете луна на фоне звёзд. Они все мелкие и тусклые пред вами, другие кто красивыми слынут.

– Какой приятный комплимент! И поэтичный, – порадовалась Лала. – Огромное спасибо, добрый лорд. Я к вам намерена прийти с визитом послезавтра, если позволите.

– За честь великую почту! Безмерно счастлив буду вас принять! В своём жилище скромном, – воодушевлённо воскликнул старый барон.

– Мне будет честью побывать у вас, – учтиво ответствовала Лала.

– Одно лишь здесь меня печалит, госпожа, – извиняющимся тоном произнёс барон.

– И что же это? – удивилась Лала.

– Мы перерыли все архивы, все пыльные библиотеки, но не нашли нигде упоминаний о правилах и нормах этикета касательно приёма фей. Боюсь вас чем-нибудь обидеть ненароком. По недоразумению.

– Вы зря печалитесь, мой лорд, здесь вовсе нету затруднений, – мягко сказала Лала. – Всё очень просто. Фея в вашем мире. Всегда равна со всеми. Кто б перед нами ни был, хоть король, хоть самый бедный из простолюдинов. Всяк может обращаться словно равный. Достаточно быть вежливым, не быть настойчивым и соблюдать приличья. И всё.

– Действительно, всё просто, – признал барон. – Но всё же, дабы избежать ошибок, позорящих мой род и мои земли, что если завтра я пошлю до вас герольда, и вы с ним согласуете детали о том как надлежит вас принимать?

– Какая замечательная мысль, – тепло улыбнулась Лала. – Вы очень мудрый. Конечно присылайте, добрый лорд. Желательно с утра. Не на заре, но до полудня. Я согласна.

– Спасибо, госпожа моя! – обрадовался барон. – О, как

завидую я своему герольду! Ведь будет он вас завтра видеть. А я вот нет.

– Всего денёчек подождать, и сможете увидеть, – мило ободрила его Лала. – Теперь, мой лорд, прошу у вас прощения. Все эти люди здесь из-за меня. Должна я поприветствовать их тоже. Ведь я равна со всеми ими. И все они равны со мной.

– Не смею вас задерживать, – старый барон снова поклонился по всем правилам. Лала опять сделала свой удивительный изящный воздушный реверанс. И Рун повёл её вперёд. Они проследовали прямо к краю толпы, и уже не видели, как барон вдруг схватился за голову:

– Старый я дурень! Я ведь даже не представился! Можете вы в это поверить?! Забыл! Растерялся как мальчишка!

– Немудрено и растеряться, милорд, – произнёс его советник. – Мы все немного не в себе сейчас. У меня дрожь в руках.

– Отец, вас всё равно все знают, – заметил сын барона. – Не сомневаюсь, ей уж всё известно. Как нам известно её имя. Если задуматься, то лорду нет нужды на своих землях представляться перед кем-то.

– Сынок, тут дело не в нужде. А в вежливости и этикете, – поделился с ним мудростью барон. – Она почётный гость и дама.

– Мне кажется, отец, сейчас ей не до нас, и не до этикета.

– Быть может так, – кивнул барон. – Но всё же я забыл!

В мои-то годы! Мальчишкой себя чувствовать. И сердце так колотится. Занятно.

Рун с Лалой остановились перед знатью, самыми именитыми местными дворянами. Кто был в парчу с шелками разодет, а кто в искусных дорогих доспехах с цветными гербами. Рун никогда не видел столько знатных людей вместе, да ещё в столь маленьком пространстве. Как селёдок в бочке. Ему стало очень неуютно. Любой нормальный крестьянин в подобной ситуации захочет или убежать или спрятаться. Компания господ надменных добра простолюдину не сулит. Одно было хорошо, все глаза смотрели только на Лалу. Он был от них на расстоянии вытянутой руки, но они его даже видели. Словно его и нет. И прятаться не надо. Лала сделала свой грациозный воздушный реверанс, дворяне, возглавляющие толпу, из-за скученности вынужденно ограничились сдержанными поклонами.

– Здравствуйте, добрые господа, рада с вами познакомится, – приветливо сказала Лала.

– Благодарим за честь вас лицезреть, госпожа Лаланна, – вежливо и немного растерянно произнёс пожилой дворянин в богатом величавом облачении.

Это был сэръ Хидрианте, известный в прошлом рыцарь, один из самых родовитых, богатых и уважаемых жителей города. Рун призадумался, надо ему что-то говорить Лале о том, кто сей человек. Но всё же решил, что нет. Тут знатных лиц не счесть, к чему сейчас детали. Сочтут необходимым и

уместным, сами представляются. Тем более, навряд ли им придётся по нраву, если он начнёт делать это за них.

– Благодарим, благодарим, госпожа Лаланна, – завторило Хидрианте в разнобой множество голосов.

– О, вы уж знаете и как меня зовут, – удивилась Лала.

– Конечно, все уж знают, госпожа, – отвечивал сэр Хидрианте. – Не сыщется в округе никого, я думаю. Кто бы не знал.

– Мне приятно, – разулыбалась Лала. – Господа. Когда бы вы немножко расступились, я бы смогла по улице пройти, и всем, кто здесь собрался, показаться.

– Дорогу фее! – требовательно объявил сэр Хидрианте. И первым отступил. По толпе сразу понеслось от человека к человеку по цепочке «дорогу фее, дорогу фее». Рун думал, это невозможно, но люди быстро как-то отхлынули в две стороны, уплотнившись, к оградам изб, и посредине меж ними образовалась свободная дорожка, вполне широкая, чтобы идти вдвоём. Лала взмахнула рукой, и вдруг на дорожке взошёл сплошным ковром сияющий ярким светом газон из красочных причудливых цветов на очень низких ножках. Толпа снова ахнула заворожённо. Рун слегка опешил, но почувствовал, что Лала хочет лететь вперёд. С трудом он заставил себя сдвинуться с места, поведя её по этому сверкающему цветущему полотну. Они следовали неторопливо, и Лала со всеми приветливо здоровалась, улыбаясь очень радушно. В ответ с ней тоже здоровались, умилённо, иные аж плакали,

глаза у всех горели изумлением, восторгом и каким-то добрым светом. Пожалуй даже счастьем. Рун с удивлением понял, что все здесь, сейчас, в эту минуту, счастливы. Забыли ненадолго про свои житейские печали и невзгоды, и радуются чуду простодушно. Чем дальше Рун с Лалой отдалялись от избы, тем толпа понемногу становилась реже, менее скученной, всё чаще попадались знакомые лица деревенских, с отпрысками всех возрастов, включая самых юных, что пробуждало в Лале особенно тёплые чувства, она с безмерной добротой глядела на деток, ласково улыбалась малышам. Был тут и кузнец деревенский, со всем своим выводком. Рун до сих пор шёл молча, даже не кивнул ни разу ни единой душе, привык так, знал что его не любят и его приветствие никому не нужно. Однако кузнец другое дело, он-то как раз, единственный наверное, кто к Руну чувств недобрых не питал.

– Добрый вечер дядя Тияр, – поздоровался с ним Рун вслед за Лалой.

– Здорово, Рун! – рассмеялся кузнец чуть ошалело. – Да, вижу, не соврал, но всё глазам не верю. Ты молодец! Твой дед гордился бы.

Лала сразу приостановилась, впервые за весь путь, улыбнувшись малышке лет трёх, которую кузнец держал на руках.

– Как тебя зовут, милая?

Девочка заробела и молчала.

– Её зовут Мия. Младшенькая моя, – ответил за неё кузнец.

– Вот это, Лала, наш кузнец. Тияр. Хороший человек, большой друг моего деда покойного, – представил ей Рун своего односельчанина.

– Ох и здоровы же вы, дяденька, – покачала головой с уважительным удивлением Лала, оглядывая его могучую мускулистую фигуру.

– Да уж не обидели боги силушкой, – польщённо произнёс Тияр.

– Я бы хотела прийти к вам завтра в гости. Можно? – спросила Лала, мило улыбаясь.

– Ко мне домой? – потрясённо переспросил Тияр, не веря своим ушам.

– Хотелось бы. Я б посмотрела, как у вас живут. На кухню вашу.

– Вот это да! – Тияр был вне себя от радости. – В любое время дня и ночи! Приходите! Вас встретим, как принцессу! Как богиню!

– Ну, значит, решено. После полудня я к вам загляну. Что хочешь завтра в подарок, милая? – снова обратилась Лала к малышке.

– Мёду, – смущённо буркнула та.

– Медку хочешь?

– Не надо, – рассмеялся кузнец. – У нас всего в достатке. Мы ей просто не даём много мёда. Чтобы зубки не болели и животик. Сладкоежка она у нас.

– Папа против мёда, – извиняющимся тоном ласково ска-

зала Лала. – Может что-то ещё хочешь?

Девочка задумалась.

– Дудочку, – проговорила она наконец.

– Ладно. Я постараюсь дудочку найти, – пообещала Лала с сияющим личиком. – До свидания, хорошая моя. До завтра, дяденька Тияр.

– Я ночь теперь не буду спать! – восторженно сообщил кузнец.

Лала одарила его радушной улыбкой, и они двинулись дальше. Вскоре попался им на пути и ещё один человек, которого Рун никак не мог проигнорировать.

– Вот это, Лала, наш жрец деревенский, отец Тай, – представил он полноватого мужчину в обряднике жреца луны.

– Приятно познакомится, святой отец, – вежливо произнесла Лала.

– Благословенны будьте, госпожа, – с достоинством ответил отец Тай. – Надеюсь вас увидеть в своём храме. Мне будет честью.

– Конечно, – пообещала Лала. – Завтра и зайду. Если позволите.

– Мы храм украсим празднично для вас! – обрадовался жрец. – И благовоньями душистыми окурим.

– Я буду рада получить благословенье ваше по местным правилам у алтаря, – заверила Лала добродушно.

– Наш храм был освящён самим жрецом второго ранга в день летнего солнцестоянья, – похвалился жрец взволнован-

но.

– Мне лестно, что смогу я посетить столь важное святое место, и прикоснуться к его таинствам духовным, – очень искренне промолвила Лала. – До свидания, отче.

Рун с Лалой отправились далее. Раньше или позже, но всё же наступил момент, когда толпа вдруг закончилась. Резко оборвалась вместе с чудесной дорожкой, и никого. Рун был в недоумении: а дальше-то что делать? Но Лала точно знала, что. Она тут же повернула обратно.

– Теперь пожалуйста, поменяйтесь местами – обратилась она к людям. – Пусть те, кто был за спинами, выдут вперёд, а те, кто впереди стоял, уйдут за спины им к оградкам. Так все меня увидеть смогут вблизи и познакомиться.

Рун снова удивился, насколько быстро и послушно народ всё выполнил. По толпе сразу пошёл говор, передающий просьбу феи по цепочке, все пришли в движение – раз, и у тропки из цветов уже совсем другие персоны. Но тоже взволнованные, радостные и довольные. Рун повёл Лалу назад. И опять она всех приветствовала, всем улыбалась, и это длилось долго, бесконечно, Рун потерял счёт лицам и шагам. Дорожка под ногами их светилась и радовала взгляд сиянием цветов, придавая происходящему какое-то особое очарование. Может благодаря этой дорожке, может просто привык, но Рун постепенно полностью успокоился, шёл словно плыл по воле волн. Он чувствовал себя довольно странно. Но знал, что не забудет никогда всё, что сейчас здесь происходит. Что

это очень глубоко внутри теперь останется навеки. Как нечто самое причудливое в жизни. Что с ним случилось.

Когда Рун и Лала снова достигли своей избы, уже поне­многу начинало смеркаться, к тому же облачность укрыла небо, усиливая ощущение полутьмы. Однако это лишь до­бавило эффектности творящемуся действию. Дорожка из цве­тов давала столько света, что озаряла их, как солнце в ясный день. Рун было с облегчением решил, вот и всё, отмучились, но как бы не так. Лала и не подумала поворачивать к калитке, где всё ещё топтался барон с приближёнными, просто кив­нула тому вежливо с улыбкой, и пролетела мимо, продолжив движение вперёд. Дом Руна располагался на краю деревни, далее улица почти сразу оканчивалась, переходя в дорогу, ведущую в сторону леса и реки. Но на этой дороге тоже тол­пился народ, пусть и гораздо меньшей численностью, зато не абы какой. Опять и дворян много, в том числе судья с су­пругой, градоначальник, воевода, самые богатые из местных купцов. Главный жрец из храма городского. Так же не самый низкородный человек. Хоть вроде жрец есть жрец, и всё же разница в миру имеется, он ведь не сутками службы служит, бывает и в гостях, и на приёмах. Для знати он свой. Да и спе­сивые дворяне порой и когда молятся, предпочитают головы склонять лишь перед тем лицом духовным, в ком есть хоть капля благородной крови. С этой стороны люд стоял цельной массой, но лишь Лала приблизилась, сам расступился, давая проход, даже и просить не пришлось. Лала снова взмахнула

рукой, и здесь тоже пролегла светящаяся дорожка из цветов. И опять они шли – Рун шёл, Лала летела – и она приветствовала всех, тепло улыбаясь. На сей раз толпа окончилась довольно скоро. Чуть поодаль виднелись во множестве привязанные кони, кареты, ожидающие своих хозяев. Были там и слуги, не рискнувшие подойти, бросив без присмотра транспорт господ. Таращились во все глаза. Лала весело помахала им рукой. Затем она развернулась, а народ уж снова сам всё сделал, обменялся местами без всяких просьб. Рун повёл её назад. Мелькали лица, чьи в улыбках, чьи в слезах, но все исполненные бесконечным счастьем. Сиянье под ногами веселило глаз и радовало душу. Темнело небо. Негромкий гомон множества делящихся взволнованным полушёпотом впечатлениями голосов смешивался с редким свистом стрижей и отдалённым лаем собак. Всё это было похоже на сон. Да и по сути ничем не отличалось от оногo. Для яви было необычно, а вот для сна вполне б сошло за рядовое. Рун даже ненадолго забылся в этом ощущении нереальности, не совсем понимая, спит он или бодрствует. Но рядом была Лала. Её близость, её красота, подсвеченная радугой цветов, её тонкие пальчики, которые он держал в своей руке, её приятный голосок, одаряющий окружающих приятными словами. Разве может сердце юноши в таких условиях спокойно биться, позволяя сознанию пребывать в ином месте, чем здесь и сейчас, с ней. С девушкой, что очень ему дорога.

Наконец настал момент, когда Рун с Лалой поравнялись

со своей избой. И тогда уж остановились. Рун теперь-то был уверен, что всё, окончено, сейчас домой и скроются от глаз. Но как оказалось, и в этот раз ошибся. Лала снова не повернула к калитке.

– Дорогие мои, я рада была с вами повстречаться, – очень тепло обратилась она к людям. – Надеюсь, не обидела ничем. Теперь пусть те, кто с маленькими детками, выходят на дорожку, а детки ручку вытянут ладошкой вверх, и уж не убирают хоть минутку, чтобы не случилось. Пожалуйста. И подходите ближе сюда прямо по дорожке, кто с детками, коли свободно место.

По толпе быстро передали её слова. С малышами были только местные деревенские. Вот они и выдвинулись во множестве на светящуюся тропку. Дети с радостным любопытством разглядывали чудесные сияющие цветочки, которые в тускнеющем обрамлении наступающего вечера казались ещё ярче и красивей. Родители стали говорить им вытянуть ручку, кому-то и помогали, сами держали как надо. Лала взмахнула рукой. У всякого малыша на ладошке появилось яичко, необычное, явно не куриное. Послышались удивлённые возгласы. Вдруг яички зашевелились и из каждого вылупилось небольшое забавное существо, у всех разное. У кого-то это был гномик в шляпе, у кого-то миниатюрный зайчик во фраке и с тросточкой, у кого-то изящная фея-дюймовочка в красивом платье, у кого-то котёночек в сапожках, у кого-то уточка в сарафане, и т.д. И все эти существа начали

танцевать на ладошках у малышей. Гномик задорно выделывал заливчатские коленца, зайчик выплясывал чечётку, фея грациозно кружилась. Взрослые заахали, детишки изумлённо вылупили глазёнки и принялись весело смеяться.

– До свидания, дорогие мои, – попрощалась Лала. – Устала, отдыхать пойду. А чудо ещё несколько минут побудет с вами. А потом исчезнет. Простите коли что не так. И я хочу просить вас всех сердечно. Вы постарайтесь с завтрашнего дня поменьше обращать вниманье на меня. Не слишком сильно. По возможности. Если начнут за мной ходить гурьбой всё время, мне будет тяжело. Ещё раз до свиданья.

Люди тоже стали прощаться с Лалой растроганно и благодарить её. Лала сделала пред ними воздушный реверанс, Рун отвесил поклон. И они направились к калитке. Барон со свитой всё ещё был тут.

– А вы всё ждёте, добрый лорд. И господа, – тепло сказала Лала. – Мне очень лестно. Прошу вас, не сердчайте на меня, и не сочтите за неуваженье, но я сейчас вас не могу принять. Устала, нету сил. Через денёчек я к вам прилечу. На целый день, если хотите.

– Хочу, мечтаю, грежу, жажду, на целый день, на год, на век стать счастливым чести видеть вас своею гостьей, – горячо поведал барон. – Вам не за что пред нами извиняться, госпожа. Это уж вы простите нас за то, что и мы тоже со всей толпой зевак стоим тут, утомляя вас.

– Моей усталости сегодняшней причина совсем не в том,

что вы стоите здесь. Поверьте, мне приятно очень ваше внимание, – искренне и душевно заверила Лала. – До свидания, милорд.

Она сделала свой чудной воздушный реверанс, Рун поклонился в пояс господам. Господа поклонились Лале, барон расшаркался в сложном галантном поклоне.

– До послезавтра, госпожа Лаланна. И благодарю, что вы сочли возможным мои края почтить своим визитом. Большая честь.

– Милорд, – улыбнулась Лала. – То что я здесь, заслуга не моя. А вот его. Моего суженого. Руна.

Барон посмотрел на Руна с некоторым удивлением, словно впервые осознал, что оказывается тут есть ещё кто-то, причём так рядом.

– Спасибо, парень, – не растерявшись, произнёс он не без доли юмора, усмехнувшись про себя, что выражает признательность деревенщине-холопу.

А вот Руна было не до смеха, он смущённо молча снова поклонился в пояс. После они с Лалой наконец миновали спасительную калитку и вскоре скрылись от всех за дверью. Оба они остановились прямо в сенях, не в силах боле передвигаться. Лала даже опустилась с крыльев на ноги. Рун чувствовал себя полностью опустошённым.

– Устала? – спросил он тихо.

– Очень, – еле слышно ответила Лала.

– Хочешь, обниму.

– Конечно, – молвила она тепло.

Он прижал её к себе.

– Так гораздо легче, – с ещё большей теплотой проговорила она утомлённым голосом.

– Мне тоже, – улыбнулся Рун. – Осталось хоть немного магии?

– Почти ни капли, Рун. Но мне не жалко. Красиво было. И чудесно. И детки так смеялись. По-моему неплохо получилось.

– Всегда меня ты удивляешь, Лала. Своею магией. Дорожка из светящихся цветов. Забавные создания из яичек. Такого даже в сказках не услышишь. Включая те, которые про фей.

– Ты просто не был в нашем мире, Рун. В моей стране. У меня в... дома. Там много всякого такого. Что тут никак не наколдуешь. Это счастливое колдовство. Чтобы его творить, нужно быть счастливой. Или быть рядом с тем, кто очень дорог. От кого трепетно сердечку. И нужен повод. Или праздник. Какой-нибудь. Помолвка, например, или вот детки, собравшиеся фею посмотреть впервые. Что-то особенное, значимое.

Она вздохнула.

– Хочешь прилечь? – участливо спросил Рун.

– Хочу. Но лучше постоим ещё. А то уляжемся, а тут твоя бабуля. Придёт. А я хочу объятий. Поболе, чем лежать, Рун. Мне легче в них.

– Хорошая моя, – ласково произнёс он.

– Любимый мой, – ответствовала Лала с умиротворённой нежностью.

– Довольно искренно как будто прозвучало, – порадовался Рун.

– Да искренно, мой зайка, искренно, – добродушно улыбнулась Лала.

На землю опустился поздний вечер. Луна взошла, заглядывая в окна. Горели ярко масляные лампы. Барон сидел в своих покоях, задумчиво поглаживая подбородок. Недавно дети спать ушли в опочивальни, блестя восторженно глазами от рассказа о доброй фее и о чудесах её, взволнованные радостною вестью, что собирается она с визитом в замок. Приятные моменты жизни, когда тебе внимают благодарно, с счастливым изумлением на лицах, те кто тебе столь важен. Приятно было им о ней поведать. И сам как будто снова пережил. События удивительные эти.

– Ваша милость, – вдруг постучали в дверь.

– Входи уже, – приказал барон.

В покои вошёл советник.

– Милорд, вы меня звали?

– Звал. Садись. Что, тоже ещё не ложился?

– Да где тут лечь, милорд. Всё не приду в себя, – советник пристроился на боковом диванчике.

– Да уж, – кивнул барон. – Какие дела творятся! Я и в походах ратных в молодые годы так не был... взбудоражен. Перед глазами до сих пор стоит. Всё, что случилось. Размышлений столько. Ум переполнен. И вот что я скажу. Не жирно ль фею-то холопу?! В какой-то мере это даже унижает. Меня, мой род. Когда он будет с ней под носом жить. Её нам надо у него отнять. Что думаешь?

– Милорд, поверите ли мне, я те же мысли неотступно имею в голове последний час.

– Ну, поделись, чего надумал.

– Здесь целых три проблемы возникает. Во-первых, как отнять. Она-то не холопка. Ни силой не заставишь, ни прельстишь богатством. Быть может титулом? Не знаю. Сложно. Плюс, влюблена, как говорят, в холопа, причём магически возникла та любовь. Второе – как удержать, когда её отнимем. У нас-то нету трёх желаний. Как у холопа. Нет и одного. Не пожелаешь, чтоб она осталась невестой или по иной причине. И третье – политический момент.

– Политический? – удивился барон.

– Милорд, соседи ваши. Да и сам король. Навряд ли будут слишком рады. Когда у вас есть фея. Их это уязвит.

– Что, думаешь, пойдут войной на нас? – с усмешкой посмотрел на него барон.

– Кто знает, ваша милость, – покачал головой советник. – Тут загадывать нельзя. Тем более что фея. По сути неизвестная мощь. Чем одарить способна, неизвестно. Что если

силой, иль богатством? Иль вечной молодостью?

– А, глупости! – отмахнулся барон. – Когда она служить нам станет, да пусть они от зависти хоть лопнут. Никто на нас войною не пойдёт. Ведь я-то не холоп. Её у меня точно не отнимешь. Когда и у холопа отобрать столь затруднительно. Зачем же воевать тогда? Наоборот, начнут заискивать, искать контактов, дружбы. Чтоб и её почаще видеть. Монарху в милость попаду. Поверь, так будет.

– Вы мудры, милорд, – уважительно сказал советник. – Вы вероятно правы. И всё же нам подстраховаться надо. Ну, например, когда её отнимем, спрятать. И всем сказать, ушла в свой мир, домой. Иль постараться выдать её замуж. За вашего наследника. Благо, не женат. И даже не помолвлен.

– Но он уже обещан.

– Договориться можно.

– Ну да, пожалуй можно, – согласился барон, призадумавшись. – Почётно породниться с феей. Да и девица так прелестна. Что дух захватывает. На любом балу, на любом приеме все взгляды будут только на неё. Все устилаться будут перед ней. А значит перед нашим родом.

– Ещё и чудеса творить охотней станет. Когда они для собственной семьи, – заметил советник.

– И тут ты прав. Сие немаловажно, – кивнул барон. – Итак, осталась одна «мелочь». Как нам всё это повернуть. Как их женить. Советник, посоветуй.

Он не без доли иронии но в то же время с явной надеждой

в глазах уставился в ожидании на подчинённого.

– Милорд, – очень серьёзно произнёс тот, – я предложить могу сейчас вам лишь одно. Пред нами крайне сложная задача. Решить которую нам мудрости не хватит. Вдвоём. Нам надобно опять собрать совет. Но только тех людей, смекалист кто и предан. Кто точно распускать язык не станет. И мысль способен дельную подать. И вот тогда быть может мы найдём, что делать. Но может быть и нет. Не просто это. Не гневайтесь милорд за прямоту.

Барон посмотрел на него пристально, так что заставил испытать холодок внутри.

– Мой друг, – молвил он спокойно, – ты должен уяснить одно. Сия девица вроде как святыня. Богиня, непорочный ангел. Отдать её холопу в жёны, чтоб с ним она делила ложе, рожала ему смердиков сопливых, это такая мерзостная скверна, которую мне тошно и представить. Я рыцарь, у меня есть честь. Я не могу остаться безучастен к беде богоподобного создання. Её отнять нам надо точно. «Быть может» мне здесь не подходит.

– Я уяснил, мой лорд, – ответственно заявил советник. – Я вас не подведу. Одна лишь просьба.

– Говори.

– К вам фея в гости собралась. Вы, ваша милость, у неё узнайте, в беседе светской ненароком. Когда у них намечено венчанье. От этого и будем исходить. Поймём, сколько есть времени у нас. На то, чтоб свадьбу им расстроить.

– Я выясню, – пообещал барон. – Теперь ступай.

– Да сохранят вас боги, ваша милость, – склонил в поклоне голову советник и поспешил уйти. Барон же ещё долго не ложился, погруженный в волнительные грёзы открывшихся манящих перспектив.

День второй

Рун проснулся от скрипа открывающейся задней двери. Той, что выходила в огород. Вроде и скрипнуло-то негромко, но почему-то пробудился. Уж рассвело совсем. Обычно он всё же раньше просыпался. День не из лёгких выдался вчера, чрезмерно полный ожиданий, и волнений, и напряженья нервного. Даже от работы так не устаёшь, как от тревог. Вошла бабуля.

– Ты только воротилась? – удивился Рун.

Говорил он тихо, чтобы сон Лалы не потревожить.

– Да, Рун, – кивнула старушка.

– Где ты была, бабуль? Я уж и не знал вчера, что думать. И не пойдёшь искать. Не бросишь же Лалу одну. Решил, заночевала у кого-то.

– Так и есть, внучок. И не поверишь, у кого, – со значимостью произнесла бабушка.

– И у кого же?

– В городе, в хоромах у господ у знатных.

– Правда?! – поразился Рун.

– Истинная правда. Мы с Шашей обошли вчера всю-всю деревню. От края и до края. У каждого подворья побывали. Ох, Рун, ты б это видел. Сколько люду за нами хаживало. Не счесть, как муравьёв. И все-то удивлялись, и ахали. И все с таким почтением меня встречали. Очень много почёту было.

Даже те, кто нос обычно задирает пред нами, все как один так вежливо, и уж не «бабка», а «баба Ида» говорили. Даже глава меня так называл и жёнушка его. А Шаше сколько перепало ласки. И все-то её гладили, и угощали, кто морковкой, кто хлебушком, кто даже пряничком. Уж она довольна была. Моя родная. Боюсь, объелась только, как бы не приболела от этого. И даже знатные господа, кто попадался, со мной здоровались.

– Здоровались с тобой? – недоверчиво спросил Рун.

– Да, – гордо ответствовала старушка. – Бабушкой меня называли. Вот один господин, разодетый весь такой, в шляпе, в вышитом камзоле, и говорит мне: «Здравствуй, бабушка». Представляешь? Да так... Ну, уважительно как будто. Я ему отвечаю с поклоном: «здравствуйте, добрый господин». А он мне: «бабушка, ты б не могла со мной проехать в город. С козой своей. Хочу, чтоб детки да супруга подивились на эдакое чудо». Сказал, что их в деревню не возьмёшь, когда тут собралися толпы, опасно и неприлично. И предложил мне за это... пять серебряных монет.

– Ничего себе! – только и смог вымолвить Рун.

– Да, Рун. Но я за вас переживала. И задумалась, соглашаться или нет. А он тогда мне «десять монет». Ну я и согласилась. Такие деньги. Да и знатному вельможе отказывать-то боязно.

– Ну да, – понимающе кивнул Рун.

– И он меня повёз. И Шашу. Не на телеге, Рун. В карете!

Красивая внутри, прям загляденье. Отделана богато. Сиденья мягкие. И как будто трясёт гораздо меньше по дороге. Я в первый раз в карете побывала. За все мои года. Ну вот, привёз в свой дом. Богатый и красивый. И набежало к ним гостей немедля, всё дамы местные из знати, да детки их во множестве. Все Шашу гладили, с ней говорили, она немножко с детками играла. Меня ещё спрашивали дамы. Про Лалу, что да как, про платье её очень интересовались, про её туфельки, как волосы уложены. Каждую мелочь хотели про неё узнать. Ну вот, а там уж и стемнело, и я со слугами у них заночевала. Потом с утра со слугами поела, и мне их управитель принёс монетки. Десять серебра, как обещалось. И поблагодарил. И один слуга ещё меня прям до деревни проводил, чтоб не ограбил кто-то ненароком.

– Вот это да! – сказал Рун. – Да мы теперь богаты!

– Не то чтобы богаты. Но при деньгах, – довольно молвила старушка.

– А что ж не спросишь, что у нас тут было? Такие чудеса происходили.

– Да я всё знаю, внучок.

– Откуда же?

– Да рассказали.

– И кто ж успел?

– Рун, сейчас все разговоры лишь об этом. Везде. Пока я со слугою шла, он всю дорогу и рассказывал, что было. Не замолкал ни на секунду. Жаль, не увидела сама такое диво.

Но денежки важней, чем чудеса. Зимой-то ох как пригодятся.

– Бабуль, – смущённо посмотрел на неё Рун. – Не можешь дать немного денег? Из тех, что Шаша заработала. Сегодня Лала обещалась в гости, домой к Тияру нашему. И дочке его младшей пообещала дудочку. Но у неё нет магии. Истратила вчера почти что всю. Ей не наколдовать никак, я думаю. Сбегаю на рынок в город, покуда она спит. Глядишь за час и обернусь. Вдруг да дудочку куплю. А если нет, куплю хоть что-нибудь другое. Коровку деревянную или кота. Игрушку. А то придёт без ничего к Тияру. Девочка огорчится, будет неловко.

Бабуля улыбнулась неподдельным переживаниям, слышимым в его голосе.

– Уж так ты её любишь, внучок. Печалишься из-за подобной ерунды.

– Это вовсе не ерунда, – не согласился Рун. – Фея обещала, даже не чудо, просто дудочку. И не исполнит. Ей будет стыдно. Расстроится сильно, я думаю. Не хочется её расстраивать.

– Зачем же обещала, коли не может исполнить?

– Не знаю, может не ожидала, что магию потратит всю. А может не подумала.

– Рун, у нас теперь есть серебро. А сколько там игрушка может стоить. Медяк иль два. Ну даже если пять. Что вряд ли. У меня в узелке припрятано. Немножко меди. Скопила.

Возьми оттуда... да хоть десять медяков.

– Спасибо, бабуль! Ты лучшая! – безмерно обрадовался Рун.

– Внучок, по совести-то это её серебро. Она нам заработала. И ещё продуктов столько надарили. Поэтому я как бы возвращаю ей, а не дарую, – скромно заметила старушка.

– Наверное, – согласился Рун. – Но всё равно, спасибо. Выручила. Очень.

– Только, Рун, – серьёзно посмотрела на него бабуля. – Надо ей сказать. Твоей невесте. Чтоб всё-таки не обещала никому того, что стоит денег. Ведь мы не господа поди, чтоб тратиться направо и налево. Начни лишь тратиться, скоро угодишь на паперть.

– Неловко как-то ей про деньги говорить. И даже грубо. Ведь всё же гостья. Давай, если ещё раз так случится, тогда уж и скажу, – попросил Рун.

– Ну... ладно, – согласилась бабушка.

– Только ты уж с ней побудь, пока я бегаю. Я быстро. Если проснётся, а тут никого, испугается наверное.

– Я побуду, внучок. Но ты уж поторопись. Дела в огороде сами-то не сделаются. Особенно, когда без магии фея твоя.

– Ну да, не сделаются, – улыбнулся Рун. – Прости, бабуль, что всё не помогаю. Я постараюсь в скорости помочь. Не брошишь её никак. Страшно ей без меня.

– Мне тяжело одной, Рун, – немного с укором сказала бабуля. – И из лесу ничего не принёс. Ни шкур, ни мяса, ни

хоть кореньев и грибов.

– Бабуль, Лала не выносит убийств. Феи не выносят. К ней зайчики приходят на поклон. Она их гладит. И что, я должен их при ней схватить и удавить? Содрать с них шкурки? Она плакать будет. Никак.

Бабушка вздохнула.

– Я понимаю, внучок. Но и ты пойми. Ну ладно, если ты на ней женишься, тогда не пропадём, я думаю. Но ты же говорил, быть может нет, может отпустишь. И как мы зиму будем зимовать тогда? Если не заработаем, не сделаем припасов? У тебя было целых три желания! А станет ни одного. Поймал фею, и остался ни с чем. Ох, внучок, простофиля ты у меня. Как будешь жить, когда меня боги приберут. Я и не знаю.

Она покачала головой.

– Бабуль, я постараюсь сегодня уже начать что-то делать. Свожу её к Тияру, и в храм наш ещё обещала отцу Таю зайти. И во второй половине дня поди освободимся.

– И что, она будет сидеть скучать в доме, пока ты работаешь? – скептически поинтересовалась бабушка.

Рун с виноватым лицом промолчал в растерянности, не зная, что ответить.

– Ладно уж, в огороде я и сама справлюсь пожалуй. Не привыкать, – промолвила старушка. – Но воды я сама не на-таскаю. А её на донышке осталось. И дождей совсем мало было. И гусениц собрать бы с посадок. Я их почти не вижу, глаза уже не те. Надо их собрать, Рун. А то сожрут всё. И

останемся ни с чем. Зимой. И крышу подлатать бы. Течёт.

– Бабуль, я понял. Не позже чем завтра всё сделаю. Воду хоть ночью буду таскать, если что. Я помогу, – пообещал Рун.

– Ну ладно, – кивнула бабушка.

– Народу-то там много болтается у дома? – спросил Рун. –

Поди с утра уж собираются.

– Ты что, не знаешь ничего, внучок? – удивилась она.

– Про что?

– Вчера, как вы ушли домой, барон сам лично сделал объявление перед всеми. Сказал, кто фее станет докучать, следить за ней, ходить за нею следом, просить чудес, прохода не давать. Тому не поздоровится. И стражу ещё выделил в деревню. Там нету никого, у дома. И видимо не будет. И стражники уж ходят вдоль домов, порядок охраняя. И даже рыцарь придан им. Сюда. Начальствует над ними.

– И даже рыцарь! – подивился Рун. – Я о таком не слыхивал ещё. Чтоб рыцари в деревне караул несли.

– Простые стражники могут заработать, коль знатный кто у дома станет ошиваться, – мудро заметила бабуля. – А с рыцарем уже не заробеют. Погонят всякого.

– Это... У меня словно гора с плеч! – безмерно обрадовался Рун. – Ай да барон наш! Мудрый человек. Как позаботился. Теперь Лала сможет смело ходить по деревне. Пожалуй даже и без меня, если захочет.

– Барон умён, – кивнула бабушка. – Но мы для него ничто. Смотри, как бы он глаз не положил на фею. А то уведёт.

Невесту-то. У такого простофили. Оглянуться не успеешь.

– Лала со мной по своей воле, – ответил Рун. – Если на-
думает уйти, кто я такой, чтоб ей препятствовать. Но ты же
видишь, она хочет быть со мной.

– Рун, – словно услышав его слова, пробормотала Лала во
сне.

– Да вижу уж, – умилённо улыбнулась старушка. – Но всё
же, Рун, будь осторожней.

Скоро Рун вышел из дому. В кармане у него лежали за-
вязанные в тряпицу 10 медяков. Небывалая для него сумма,
и в руках-то не держал никогда. Ещё стояла утренняя про-
хлада, но и поднимающееся солнышко припекало, даря ко-
же тепло. Неподалёку возвещал кукареканьем о начале ра-
бочего дня петух, собака деловито погавкивала, слышалось
мычание, чьи-то невнятные голоса, стук колуна, раскальва-
ющего дрова, пастух вёл коров на пастбище, бабы во дво-
рах суетились, давая корм курям и свиньям, двое мужиков
на телеге ехали в сторону леса, рыбаки спешили к реке, Ни-
ор, сосед через два дома, что женился недавно, шёл на лу-
га, держа косу на плече и узелок с провизией в руках, ста-
рики возились в огородах, на поленнице неторопливо умы-
вался лапкой серый кот, из кустов доносился жизнерадост-
ный гвалт воробьёв, временами с порывами ветерка немно-
го тянуло запахом навоза. Обычное рутинное деревенское
утро. Всё как всегда. Почти. Необычного было два. Первое,

это пара стражников, стоявших чуть в стороне от избы Руна, негромко перебрасываясь словами. Бывают путники в деревне, включая и в доспехах, и с мечами, но они в основном около постоянного двора или трактира, и не настолько рано. А тут на зорьке на краю деревни два воина, и никуда не движутся. Стоят. Ну а второе, гораздо более диковинное для Руна, это что все кто был на улице, мгновенно его заметили. Обычно он что есть, что нет, как будто невидимка. Окинут его равнодушным взглядом, и всё, бывает и поздороваются даже, если совсем рядом пройдут. Ито далеко не каждый. Рун так к этому привык, что ему уж и нравилось – никто не отвлекает, не обратит вниманья, что ни делай. Свободу внутреннюю какую-то ощущал от того. А тут вдруг... все смотрят с неподдельным любопытством. Рун вышел за калитку и хотел было, как обычно, быстрым шагом, отправиться по своим делам, но поравнявшийся с ним в этот момент Ниор неожиданно повернул к нему, остановившись подле.

– Здорово, Рун, – сказал он спокойно.

– Здорово, – кивнул Рун.

– Как там фея?

– Нормально. Спит ещё. Вчера устала. Переволновалась сильно.

– А ты куда?

– На рынок надо.

– Понятно.

Тут и рыбаки и подошли. Четверо мужиков. Поздоровали

лись. Рун чувствовал себя очень странно от подобного внимания. Ответил им небольшим кивком.

– Кланяйся от нас фее, – произнес Аур, белокурый здоровяк лет 35-ти. – За чудеса её, дарованные нам. Какое ж было диво!

– И мой поклон ей передай, – вставил Ниор.

– Да, диво так диво! – покачал головой Дарий, другой рыбак, с чёрной кудрявой шевелюрой и седеющей бородкой.

– Самое дивное диво, это она сама, – пылко заметил Мьян, рыжеватый тёмный от загара парень.

– Это да! – согласился Аур. – Только платье у неё... Я прям не знал, прикрыть ли глаза своему старшему, чтоб не смотрел, или нет.

– Феи безгрешны, – сказал Рун. – Они все так ходят. Вы, когда смотрите на неё, думаете о греховном. В мире фей ни у кого подобных мыслей не возникает. Вот и вся разница. Поэтому и не смущаются. Нарядов, где ноги видно.

– По мне так это очень красиво, – заявил Мьян.

– Ну ещё бы, – усмехнулся Дарий.

– Так ты, Рун, выходит, вроде как колдун. Фей умеешь ловить, – задумчиво проронил Аур.

– Я знаю ритуал призыва. И всё. Дедушка научил, – отвечивал Рун. – Где бы я научился колдовству? В лесу у медведей?

– А свадьба когда у вас намечена? – поинтересовался четвёртый рыбак, дед Фаар.

– Не решили ещё. Не скоро видимо. У фей традиции разные надо соблюсти, да ритуалы, перед свадьбой. Нельзя так сразу, только обручились, и тотчас под венец.

– Сочувствую, – улыбнулся беззубым ртом Фаар.

– А я завидую, – молвил Мьян.

– Да все завидуют, не сомневайся, Рун, – сказал Дарий. – Ну, кроме нашего дедушки Фаара. У него всегда своё особое мнение. И где рыбу крупную искать надо, и как горестно быть фее женихом.

– Да говорю я, там весь крупняк! Я-то поболее некоторых рыбу ловлю, – загорячился Фаар.

– Неужели это того стоило? – с искренним непониманием посмотрел на Руна Аур. – Два желания потратить из трёх, чтобы сделать фею невестой. Ты мог бы такого назагадать на эти два желания. Любая б девка за тебя пошла. Эх, мне бы три желания. Уж я бы... загадал.

– Так она поди и сама колдовать для него может, без желаний, – предположил Фаар. – Или ты, Рун, третье желание вчера истратил, чтобы она народ потешила?

– Нет, она по собственной воле колдовала. Моё третье желание всё ещё при мне, – отозвался Рун.

– Вот и выходит, что Рун-то поумнее будет, чем некоторые здесь, – произнёс Фаар с усмешкой. – Женится, и всё её волшебство станет его.

– Она не очень сильная фея, – поведал Рун. – Не всё может. И магию в нашем мире ей сложно восстанавливать. Вот

вчера поколдовала для вас, и магии в ней почти и не осталось. И когда восстановится, неизвестно. Наверное нескоро. Вы уж не ждите от неё чудес. А то расстраивается, знает, что ждут все, а сделать не в силах. Переживает из-за этого. И расскажите всем, чтоб не ждали. Она же чувствует, когда ждут.

– Мы всем расскажем, – пообещал Дарий.

– Она и сама такое чудо, что и не надобно других, лишь бы её видеть хоть изредка, – с чувством заметил Мьян.

– Я тоже так считаю, – кивнул Ниор.

– Согласен, – произнёс Аур.

Пока Рун с мужиками стояли, другой люд тоже начал было подтягиваться к его дому. Но тут в дело вмешались стражники, подойдя быстрым шагом.

– Что встали-то у дома феи?! – сурово воскликнул один из них, крепко сложенный молодой человек лет под двадцать пять. – Баронского указа не слышали? Идите куда шли.

– Да мы с соседом только поздороваться. Уже уходим, – миролюбиво молвил дед Фаар.

Рыбаки и Ниор зашагали прочь.

– Рун, – сказал второй стражник, чуть более высокий, чем его товарищ, чуть более старший – с виду лет тридцати, с уверенной невозмутимой физиономией.

– Да? – вопросительно посмотрел на него Рун.

– Ты, зови если что, сразу придём. Даже кричи, коли надо, ну: «Стража!» Не тушуйся. Понял?

– Ага, спасибо, – вежливо поблагодарил Рун. – А правда, что тут с вами рыцарь? А то не видно.

– Да спит ещё. Чего ему в такую рань шататься, – охотно ответил стражник. – Навряд ли он будет с нами в карауле. Это не рыцарское дело. Он здесь на всякий случай. Вот когда случай этот вдруг возникнет, тогда он и вмешается. А так... ищи его на постоялом дворе. Ну или в таверне. Ежели он фее зачем-то понадобится.

– Понятно, – кивнул Рун.

– Ты-то далеко ль собрался? Чтоб знать, – молвил стражник.

– На рынок в город, скоро ворочусь.

– Ну, бывай, Рун. Помни, зови по любому поводу, даже если кто просто докучать станет.

– Спасибо, я понял, – заверил Рун.

Развернувшись, он быстро зашагал по дороге из деревни, всё так же чувствуя на себе любопытные взгляды. На душе его было легко, и как-то... солнечно. За Лалу он теперь совсем не боялся. Странно было. Всё. Стражники с ним говорили, как будто он имел значение. Мужики... разговаривали на равных, словно он один из них. Слушали его, внимали его словам. Если задуматься, это была самая длинная беседа его с деревенскими за последние годы. Что-то менялось в его жизни, и он не знал, радоваться тому или нет. Непривычно. Слишком. Но вроде ничего дурного. Наоборот, как будто бы сулит надежды. Что может кто-нибудь возьмёт его

теперь в работники, иль даже в подмастерье. Когда Лала воротится в свой мир. И станет он как все. Одному... вроде тоже неплохо. Но как-то малость... безрадостно. Всегда спокойно. Что достаточно удобно. Избавлен от волнений и тревог. Вот только хорошо ли быть всегда в покое? Когда ты не покойник. Ах, если бы осталась Лала. Навеки с ним. Как было бы прекрасно. Но ей непросто жить среди людей. Пусть лучше возвращается домой. Где будет в безопасности, с родными.

Пройдя ещё немного Рун вдруг осознал, что скорее всего ошибается. Ничего не изменилось в отношении людей к нему. Это всё только из-за Лалы. Когда она уйдёт, все опять от него отвернутся. Скажут, вот дурак, поймал фею и остался ни с чем. И стража потеряет интерес. И мужики. А может его недруг, сынок главы, попакастит ещё. В отместку за удачу, за то, что красовался с феей. Он на это способен. И станет даже хуже. Готовым надо быть к обоим вариантам. И к лучшему, и к худшему. Но так или иначе сейчас всё отлично. И Лала под защитой. И односельчане приязненней себя ведут. И надежды есть. На будущее. И даже настроение... чудесное. Тепло очень на сердце. Слово лучики солнца проникают прямо в него и согревают. Ещё бы дудочку купить. Да поскорее к Лале воротиться, прижать её к себе, полюбоваться на неё, на её счастье, на её улыбку. Прямо не терпится. Поторопиться надо.

Так за мыслями Рун и не заметил, как дошёл до город-

ка. Стоявшие на воротах стражники его вроде не признали, может не было их вчера в деревне. Посмотрели сквозь него равнодушно, и всё. И далее, пока он шёл по улицам, на него никто внимания не обращал, все были заняты своими делами. Но вот когда он достиг рыночной площади, там довольно скоро ситуация стала меняться. Он ходил меж торговыми рядами, выискивая, продаёт ли кто игрушки да поделки какие. Хоть было ещё довольно рано, на рынке жизнь уже бурлила ключом. И продавцов хватало, и покупателей – в основном слуг, приобретающих продукты для стола господ, люди торговались, ржали лошади, точильщик ножей всюду искрил о точильный камень кухонным тесаком, мясник рубил тушу, кто-то из лоточников громко нахваливал свой товар, зазывая народ. И через все эти звуки постепенно Рун всё отчётливее начал различать негромкие фразы «кавалер феи», «жених феи», «тот Рун», и прямо кожей стал ощущать на себе взгляды множества глаз. Иногда на него откровенно пялились, некоторые перешёптываясь при этом меж собой. Он старательно пытался не замечать чужого внимания, но не замечать с каждой минутой было всё труднее. Наконец он достиг рядов, где продавали вещи, здесь торговцев было заметно меньше, за вещами покупатель обычно приходит днём, а то и под вечер, потому и торговать многие начинают позже, зато позже и уходят, когда продукты уж давно почти никто не продаёт. Рун внимательно осматривал товары, попадались ему на глаза и куколочки, и резные фигурки разных животных,

и глиняные свистульки, и весёлые вышитые картинки на кусках ткани, и деревянные сабельки. Вот только дудочек не было. Он уже почти совсем утратил надежду на успех, когда на задворках встретился ему тощий дед, торгующий всякими странными мелочами, среди которых лежала и вполне презентабельная на вид дудочка. Рун не первый раз на рынке, нельзя сразу выказывать интерес к нужному предмету, иначе задерут цену.

– Здравствуйте, дедушка. Почём у вас игрушки? – спросил он как бы ненароком.

Дед посмотрел на него неприязненно.

– Иди отсюда подобру-поздорову, – сурово произнёс он скрипучим голосом.

– Но почему? – искренне удивился Рун. – У меня есть деньги.

– Проваливай, кому говорят! – грубо ответил дед. – Тебе я ничего не продам. Взять за себя фею хитростью всё равно что надругаться над ней. Ты подлец. Петля по тебе плачет. Тьфу.

Он с отвращением сплюнул.

– Не брал я её хитростью. Она сама согласилась, – сдержанно попытался объяснить ему Рун, с наивной верой, что это недоразумение сейчас разрешится.

– Конечно! – саркастически воскликнул старик. – Волшебством влюбил. Волшебством заставил стать невестой. Невинное небесное создание! Ты негодяй. Словно в душу

мне нагадил. На старости-то лет! Иди отсюда, пока я стражу не позвал.

Тем временем к ним, привлечённые конфликтом, подошло несколько других торговцев.

– Парень, тебе что надо? – спросил один из них, борода-тый деловитый мужичок в сером кафтане. – Я тебе продам.

– Дудочку, – вымолвил Рун чуть растерянно.

– Дудки у меня нет, – с сожалением развёл руками тот. – Может у вас, мужики, есть? – обратился он к остальным торговцам.

Все отрицательно покачали головами.

– Дед, что ты выкаблучиваешься, продай ты ему дудку, – настойчиво попросил мужичок.

– Я лучше удавлюсь, чем продам ему что-то! – яро возразил старик.

– Ну продай мне. Хоть за двойную цену.

– И не подумаю! – упёрся старик. – Ты хочешь ему перепродать, а ему я дам только вот это.

Он показал кукиш.

– Вообще-то он прав, – вдруг поддержал деда ещё один торговец, высокий дядька солидного вида. – Фею волшебством брать за себя подло. Она же дитя. Такое чистое, такое невинное, столь добрая. Наивная доверчивая наверное. Обмануть-то легко. И будет жить теперь. Вот с ним? Правильно, не продавай ему, старый. Гнать его в шею. И наподдавать хорошенько. Не помешало бы.

– Совсем вы ополоумели, – с удивлением заметил мужичок в кафтане. – Жениха феи гоните? Поколотить его хотите? И что она подумает о нас?

– Пусть знает правду. Что люди думают о нём, – упёрто заявил старик. – Может разлюбит, когда узнает. Пересчитать ему зубы надо. Все ли они у него, или каких-то уже не хватает.

– Кому это ты хочешь пересчитать зубы, доходяга, – не без юмора спросил подошедший неожиданно стражник, шкафообразных габаритов здоровяк. – Что за шум тут у вас с утра-то?

– Да вот, женишок феи пришёл, – злорадно усмехнулся дед. – Дудку ему видите ли надо. Подудеть захотел.

– Ну и в чём проблема?

– А в том, что подлец он. Фею хитростью за себя взял. Гнать его отсюда. Не продам я ему дудку. Лучше удавлюсь.

– Никого я хитростью не брал, – твёрдо возразил Рун.

Стражник с интересом пристально уставился на него.

– Зачем тебе дудку с утра приспичило?

– Лале надо. Фее. Обещала дочке нашего кузнеца подарить. Но вчера всю магию истратила, не наколдовать ей самой. Никак. Пришёл купить.

– И ты не хочешь фее дудочку продать? – удивлённо посмотрел на старика стражник.

– Фее продам, ему нет, – упрямо промолвил тот.

– Так, дед, – спокойно сказал стражник. – Или ты сейчас

продашь ему дудку, или пожалеешь, что ещё не помер.

– А что, а я ничего, – сразу пошёл на попятную старик. – Пусть покупает. Мне не жалко. Для феи. Только дорогая это дудочка. Очень хорошая. Звучит красиво. Заслушаешься. Пять медяков стоит. Откуда у этого нищеброта такие деньги.

– Да ты смеёшься над нами, – развеселился стражник. – Пять монет за детскую дуделку? Дай ему две, парень. Есть у тебя две?

Рун кивнул.

– А остальное, дед, если хочешь, я доплачу тебе тумакими, – добавил стражник.

– Две так две, – буркнул старик. – Доплаты не надо.

Рун долго возился с узелком, куда были завязаны монетки, пока его развязал. Дед не без ухмылки наблюдал за этим. Наконец два медяка были уплачены и заветная дудочка получена.

– Вот что, добрый молодец, – обратился к Руно мужичок в кафтане. – Возьми-ка ты у меня ещё лошадку резную. Детки любят разные фигурки. В дудочку уметь надо дудеть, подудит ребёнок разок да бросит, а фигурками ребятне нравится играть. Пусть фея и то и это подарит.

– Да не надо, – вежливо сказал Рун.

– Это бесплатно. Бери.

– Бесплатно неловко, – возразил Рун. – Не нужно ничего, спасибо, дудочки хватит.

– Я же не тебе это дарю. А фее. Что ты за неё-то отказы-

ваешься. Не муж ещё поди. Вот она если откажется, тогда можешь и обратно принести. Если хочешь, – улыбнулся мужичок. – Я между прочим за тебя заступился. А ты подарок от чистого сердца предложенный не хочешь взять. Нехорошо как-то.

– Ну ладно, – сдался Рун. – Я возьму.

Мужичок быстро направился к своим товарам, Рун пошёл следом и скоро получил из рук в руки маленькую деревянную фигурку лошади. И это была не какая-то грубая поделка. Лошадка выглядела как живая, вырезал явно умелый мастер, и вырезал с большой любовью.

– Красивая, – подивился Рун. – Очень. Спасибо.

– Да не за что. Кланяйся фее от нас.

– Передам ваш поклон обязательно.

– Эй, паренёк, – подал голос продавец, стоявший чуть поодаль. – А от меня подари ей гребень. Фее своей. Вот этот. У неё волосы длинные, расчёсывать много наверное придется, как раз ей пригодится.

– Ладно, – обречённо согласился Рун.

Не прошло и часа после выхода из дома, как Рун воротился. В руках он держал два лукошка, наполненные продуктами и всякими разными небольшими вещичками. Лала уже проснулась, сидела рядом с бабулей с весёлым личиком. Рун поставил лукошки на стол.

– Доброе утро, суженый мой, – приветливо вымолвила Лала.

Она была само очарование. Всё в ней излучало бесконечную искреннюю радость его приходу.

– И тебе доброе, невеста моя, – улыбнулся Рун. – Смотри, сколько тебе даров надарили на рынке. Всё бесплатно. Я уж как ни отбрыкивался, но куда там. Кое-как от колбасника отбился хотя бы. Я ему твержу, не едят феи мяса, а ему хоть кол на голове теши, говорит, это она моих колбасок ещё не пробовала, вот попробует, сразу и полюбит.

– Добрые у вас люди, Рун. Все мне хорошего желают. Заботятся. Но мяса всё же не надо. Мне грустно от его вида даже. Но ты, Рун, кушай сам мясное. А то бабушка Ида говорит, ты большой охотник до него. Я не хочу тебя морить.

– Я не пропаду, Лала, не беспокойся, – заверил Рун.

– Что, Рун, удачно сходил? – спросила бабуля.

– Да, – кивнул он.

– А зачем ты, Рун, на рынок ходил? – с любопытством побуравила его глазками Лала.

– А тебе бабуля не сказала?

– Сказала, что-то по хозяйству надо.

– Ага, так и есть, – Рун с удивлением и благодарностью посмотрел на бабулю

Та ответила ему доброй улыбкой.

– Ладно, дети, пойду я в огород. Работать, – сообщила она. – Дела-то сами не сделаются. А вы тут не шалите. Рун,

уберешь продукты из подарков, как вы их разберёте? Или мне это сделать?

– Пусть Лала их посмотрит, после уберу, что ей не надо.

– Ладно.

Бабуля встала. Лала тоже поднялась.

– Спасибо, бабушка, за кушанья, и за рассказы. Вы весёлая. И добрая.

– Да на здоровье, дочка. С тобой светло всё время на душе. Поэтому и весело.

Бабуля вышла. Рун с Лалой, оставшись одни, стояли и смотрели друг на друга. Рун любовался на неё. И в то же время удивлялся. Тому, насколько много разных чувств в её глазах отражено. Она глядела на него... доверчиво. И беззащитно как-то. И ласково. И мило. И тепло. И словно чуточку с упрёком ироничным. И с ожиданием чего-то озорным. И много-много было там ещё такого, чего мужскому сердцу не понять, не разобрать на точные детали, но согревает. Женственного очень. У него взволнованно затрепетало в груди.

– Ты, между прочим, меня сегодня ещё не обнимал, Рун, – с лукавым укором произнесла Лала наконец. – Вот так женихи нынче пошли.

– Виноват, готов исправиться немедленно, – улыбнулся Рун. Подошёл к ней и обхватил руками. – Попалась? Которая обнималась? – сказал он с юмором.

– Спасите! Меня поймал жестокий человек и хочет заобнимать до смерти, – разулыбавшись, запричитала Лала.

– Что это ты сегодня такая... игривая? – усмехнулся он.

– Не знаю. Легче. После вчерашнего. Уже не так боюсь.

Кажется, все мне рады. Барон такой учтивый. Смотри не отпусти меня, Рун, а то упаду.

– Вроде последнее время не падала. Чего вдруг снова?

– Да кабы знать. Ножки подкашиваются. Счастливая.

– Солнышко ты моё, – поразовался Рун её хорошему настроению.

– Эх, кабы не проклятье, Рун, посмотрела бы я на то, как ты бы по мне сейчас уже с ума сходил.

– Да я итак схожу.

– Ну да, – признала Лала, сияя.

– Смотри, как бы ты по мне сходить не начала.

– Ох, ох, ох, как разухарился, – по-доброму рассмеялась Лала. А потом положила голову ему на грудь и вздохнула.

– Мой суженый, – с непередаваемой нежностью тихо вымолвила она, так что Руна опять проняло до самых печёнок.

– Ну вот и начала сходить, – весело констатировал он.

– Просто... мне хорошо очень, – ответствовала Лала. – Смотри не отпусти меня только, Рун, самой никак не удержаться.

– Да не отпущу, не отпущу, милая, даже если будешь умолять выпустить, – заверил он.

– Опять звала тебя во сне? – спросила Лала.

– Звала.

– Я так и думала. Искала тебя. Всю ночь. Во снах. И так

и не нашла.

– Я пытался тебя за руку держать. Но ты ворочалась. Пришлось оставить эти попытки. Чтобы не разбудить. Оттого и не нашла, я думаю.

– Наверное.

Наступила тишина. Они стояли, чувствуя тепло друг друга.

– Рун, – позвала Лала вскоре.

– Что, милая?

– А где мои цветочки, Рун?

– Какие?

– Которые ты мне нарвать бы должен. И принести с утра, раз ты жених.

– Руки были заняты лукошками, не во что было, – шутили-во вывернулся Рун.

– Но ты же мне нарвёшь, правда? – мило поинтересовалась Лала.

– Хоть целый стог, если захочешь.

Лала рассмеялась весело.

– Нет, стог не надо, – произнесла она. – Букета хватит. Рун, у вас что, парни не дарят девушкам цветы? Даже когда помолвлены?

– Не слышал о подобном, – признался он. – Девушки сами рвут, это бывает, но чтобы парни... Такого вроде не случилось здесь. Вот удивятся наши сегодня. Когда я понесу цветы домой. Сейчас же все за мной следят. Заметят точно. Поду-

мают, козе нарвал поесть.

– Да уж! – снова рассмеялась Лала.

– Лала, – промолвил вдруг Рун с некоторой озадаченностью.

– Да, мой хороший?

– А ты что, всё ещё пытаешься меня в себя влюбить? – аккуратно спросил он.

Лала чуть призадумалась, всё так же продолжая сиять счастьем.

– Хм. Возможно, – с беспечным простодушием ответствовала она. – А что? Ты против, Рун?

– Да нет. Просто... странно. Ведь я по твоей же собственной теории не могу в тебя влюбиться. Зачем же?

– Да просто так, – поведала Лала. – Я тебе верю. И знаю, что не влюбишься. И ты мой добрый друг. Поэтому могу... себе позволить. Не слишком сдерживать сердечко. Рун, ты знаешь, почему все девушки очень-очень хотят замуж?

– Откуда бы мне знать такие тайны? – полушутя заметил он.

– Тут нету тайны, Рун,нисколько. В девушках очень-очень-очень много любви. Она в нас с юности пылает, и ищет выхода. Но для неё подходит только кто-то самый близкий приближенный. Единственный. Не родители, потому что они единственные друг у друга. Не сестрички милые, потому что и в их жизни когда-то будет кто-то единственный для них. Только на суженого можно проливать такие чувства, такую

нежность. Ну и ещё на деток своих малых. И только от него получать взамен подобное же. Чего сердечко столь желает беззаветно, о чём мечтает. Тяжело постоянно сдерживать эту любовь в себе. Она всё время пытается найти пути наружу, желает вырваться, чтобы согреть кого-то. Своим теплом. А некого, пока нет суженого. Живёшь как будто ни для чего. Ни для кого. Бессмысленно. Ты стал мне очень близок, Рун. К тому же счастье мне даруешь. Поэтому сердечко забывает. Порой. Что ты жених мне только понарошку. А может дело и в моей природе. Ведь для неё естественно стремиться. Влюблять в себя. А может я дразню тебя немножко. По доброму, по-дружески, шутя. По-моему ты должен быть доволен. Тебе же нравится. Я чувствую.

– Быть может я от этого страдаю, – улыбаясь, промолвил Рун с деланным огорчением.

– И от чего же? – развеселилась Лала.

Рун призадумался.

– Ну же, – подбадривала его Лала.

– От недостачи жертв, – наконец нашёлся он.

– Ну да, такое может быть, – уже без всякой иронии признала Лала.

– Вот видишь!

– Бедняжечка! – с юмором произнесла она.

– Жестокая, – с шутливым огорчением парировал Рун.

– Ты так меня смешишь сегодня, Рун, – порадовалась Лала. И вдруг, вздохнув, подняла голову и посмотрела ему в

глаза.

– Рун, ты хоть понимаешь, что это будет мой самый первый поцелуй? – уже без всякой улыбки мягко сказала она. – Ну, настоящий, с мужчиной. С парнем.

– Вот это да! – поразился Рун. – Ничего себе.

– А ты что думал, Рун? Что я целую всех направо и налево?

– Да нет, просто не задумывался об этом никогда. Действительно, большая жертва.

– Огромная, Рун.

– Прости.

– Да не за что тебе просить прощенья, – улыбнулась Лала. – Ну что ты, милый.

– И получается, она теперь зазря.

– Как это? – спросила Лала с искренним недоумением.

– Ну это же всё было ради могущества.

У Лалы дрогнули губки, и на личике появилось выражение безмерной печали.

– Это не было ради могущества, Рун, – с трудом проговорила она обиженно. – Ты отказался от чудес. Ради меня. Пошёл на жертву. Огромную. Вот ради этого.

У неё на глазах выступили слёзки.

– Лала, ну ты меня не так поняла, – ласково произнёс Рун извиняющимся тоном. – Мы пошли на обещание ради могущества. Но оказалось, из-за проклятья тебе его не обрести. А жертвы стали результатом обещанья. Когда бы знали мы,

что есть проклятье, не стали б обещать, и не было бы жертв. Вот это я имел в виду. Прости.

Лала побуравила Руна глазками, но кажется успокоилась. Улыбнулась тепло. Снова положила голову ему на грудь. И вздохнула.

– Врунишка, – буркнула она счастливо.

– И в чём же я соврал? – усмехнулся Рун.

– Ты-то пошёл на обещание не ради могущества. А потому что я ревела.

– Нет, это был коварный план. Я знал, что ты пожертвуешь в ответ. И я заполучить сумею право. На первый поцелуй твой.

– Действительно, ужасно коварный план.

– И он, заметь, сработал.

– Не стыдно тебе так обманывать несчастную фею?

– Так это ты сейчас несчастна? Какая же бываешь, когда счастлива?

– Ещё счастливее.

– А так бывает?

– Кто знает.

– Лала, – произнёс вдруг Рун без тени шутки.

– Что, милый?

– Ты не жалеешь? Что обещала эту жертву. Когда она настолько велика, – спросил он мягко.

– Нет, – искренне заверила Лала. – Нисколечко. Ты так заботишься обо мне, Рун, обнимаешь всегда... столь трепет-

но. Я, пока с тобой, всё время счастливая-счастливая. Спасал меня не раз. Помогаешь. Утешаешь в минутки грусти. Не стал меня неволить, отпустил, когда поймал. Мне кажется, Рун, любой другой дар не был бы достаточным за то, что ты делаешь для меня. А этот будет в самый раз. У меня нет ничего более дорогого, что я могла бы подарить тебе.

– Спасибо, Лала, – тихо промолвил Рун.

– Пожалуйста, мой зайка, – ответила Лала тепло.

– Рун, – снова позвала она его через некоторое время.

– Что?

Она подняла голову и посмотрела ему просяще в глаза

– Давай присядем и посидим подольше. Ну, рядышком.

Раз уж ты меня даже за ручку не держал сегодня ночью. Со-скупилась. И магии бы надо. Поднакопить. А-то наобещала девочке подарок. Обычно, Рун, феям достаточно легко да-ётся наколдовывать игрушки. Все ж сами были детками, а в детстве колдуешь себе кукол. Но я-то слабая была всегда, не слишком много практики, мне это трудно. Не знаю, выйдет ли ей дудочку наколдовать. Или хотя бы куколку какую. Переживаю из-за этого.

– Я сие предвидел, – довольно похвастал Рун. – Поэтому сходил на рынок. И дудочку купил.

– Правда?! – обрадовалась Лала безмерно.

Рун кивнул.

– Да ты же мой хороший! – воскликнула она с чувством.

Обхватила его за шею, их лица сблизились, и Лала вдруг за-

мерла.

– Ой, – сказала она виновато, немного покраснев. – Чуть не расцеловала тебя, Рун.

– Чёрт! – в притворном огорчении вздохнул он. – Опять я нецелованный остался.

– Чем же тебя отблагодарить за дар столь ценный, за заботу, суженый мой? – ласково спросила Лала, сияя.

– Хм, – призадумался Рун, хитро прищурившись. – Ну, давай посидим рядышком. По мне вполне хорошая награда.

– Ну так и быть, – разулыбалась Лала. – Только, Рун. Помоги мне на лавочку усесться. А-то как бы не упасть.

Самым удивительным из времяпровождения с Лапой наверное было её счастье. В ней всё всегда очень нравилось Руну, но это было что-то особенное. Кто не видал счастливых людей, тот не поймёт, кто не видал счастливых девушек, не поймёт вдвойне, кто фей объятий не встречал счастливых, тот и на треть не будет близок к истинной картине в своих попытках жалких счастье представить. Это же не только её улыбка, её сияющее личико, её лучащиеся радостью озорные глазки. Это и её хорошее настроение, словно передающееся из её души прямо в твою, порождая там яркий свет, и журчащий нежный её голосок, и безмерно трогательные интонации слов. И каждый жест, и каждое движение. Всё источает гимн стремлению жить и наслаждаться прелестью добра и теплоты, дарованными небом. Ну вот что-то такое. Ну как это опи-

шесть, нету слов. Чтоб передать те чувства. Она становится словно солнышко, только проливающее на всё вокруг не свет, а счастье. И когда счастье это вызвано тобой, когда прижмёшь её к сердцу, как что-то самое драгоценное в мире, и она начинает светиться, и с каждой минутой всё сильнее, а если долго так сжимать её в объятьях, то и отпустишь, а она не угасает, всё освещает тебе душу. Как это может не согреть внутри, не пробудить там что-то самое... глубинно трепетное. Наверное это и есть истинный рай. Сравнится ли покой среди райских кущ с волнением и радостью блаженства быть рядом с кем-то, кто тебе столь дорог? И для кого столь дороги ты. Наверяд ли. Пусть ангелы завидуют в эдеме, что на земле есть эдакое диво. Меж двух сердец. Как будто не влюблённых. Но упоённых близостью друг к другу. Может сегодня дело было не только в близости, не только в объятьях, в чём-то ещё. Рун не знал. Но разве это важно, в чём причины. Когда она зажглась безмерным счастьем. И озаряет им тебя и всё вокруг. Они сидели, обнимаясь. Говорили о разных пустяках. Смотрели друг на друга. И было в её взгляде столько чувств. Разнообразных сразу. И капельку насмешки добродушной, и чуточку смущенья и волненья, и много-много ласки и тепла, доверие, привязанность, надежда, немножечко кокетства, благодарность. И бесконечность милого невинного девичьего очарования. И это длилось и длилось. И не хотелось, чтобы закончилось. Жаль, что конец бывает у всего. Примерно через пол часа снаружи совсем рядом с домом

послышался топот копыт и ржание.

– Похоже, герольд приехал, – тихо предположил Рун.

– Ну вот, опять нам не дают побыть вдвоём, – состроила сквозь улыбку недовольную гримаску Лала.

– Да у меня спина уж затекла, – пожаловался Рун с усмешкой.

– Да уж! – проронила Лала с деланным удивлением и осуждением. И рассмеялась, – Ох и кавалер у меня! Спрошу герольда, может он меня обнимет. Поди спина покрепче у него.

– Не надо, – улыбаясь, искренне попросил Рун.

В дверь громко постучали.

– Герольд его милости! – раздался громкий мужской бас.

Они отпустили друг друга. Рун встал:

– Пойду открою.

– Рун, – произнесла Лала добродушно, – ты можешь бабушке помочь с делами, покуда я с герольдом. Тебе наш разговор неинтересен будет. Я думаю. Наверяд ли он решит меня обидеть. А-то мне уж неловко пред бабулей. Что ты из-за меня ей не помощник. Я позже тоже вам попробую помочь. Мне б было интересно поработать, как вы работаете, в вашем огороде. Хоть чуточку.

– Ладно, – согласно пожал плечами Рун.

Он вышел в сени. Отпер засов. Герольд – почётная служба, уважаемая. Его все знают, уж в округе местной точно. Рун тоже видел его сколько-то раз, но с расстояния. Теперь

же тот стоял перед ним в шаге. Красивые одежды, с большим гербом барона, безупречно вышитым спереди цветными нитями, красивая же шляпа, причём иная чем у всех, какую носят лишь герольды, фамильный меч за поясом – искусный, с длинною резною рукоятью, в узорчатых посеребрённых ножнах. Ремень с серебряной пряжкой, на шее золотая цепочка, пальцы в перстнях. Благородные безукоризненно правильные черты лица. Он был не молод, но и не стар, мужчина в полной силе, достаточно высокий и широкоплечий, уверенный в себе. В глазах читались опыт, ум и собранность. Пожалуй дом бабушки Иды впервые видел на своём крыльце столь благородную и важную особу. Рун поклонился в пояс, герольд посмотрел на него равнодушно, как на помеху на пути, мешающую проходу.

– Прошу вас, заходите, господин, – почтено молвил Рун.

Герольд молча переступил порог. Дверь за собой он не закрыл, и Руну был препятствием закрыт, поэтому она так и осталась распахнутой. Благо, особой нужды затворять её не было, сегодня никто не торчал поблизости, пытаясь высматривать фею – стража и страх нарушить указ баронский делали своё дело, и делали его на отлично, улица оставалась пуста. Рун провёл гостя внутрь, в горницу. Лала стояла на ногах, расправив крылья. Её личико до сих пор продолжало сиять счастьем. Рун невольно улыбнулся этому сиянию. Лала тоже одарила его тёплой улыбкой.

– О боже! – негромко в полном изумлении вымолвил ге-

рольд.

– Здравствуйте, сэра. Я Лаланна. Добро пожаловать в наш дом, – мило поприветствовала его Лала.

Он глубоко вздохнул, словно собираясь с силами:

– Доброе утро, госпожа Лаланна. Позвольте вам представиться. Сэр Амбадосса Батриоран, герольд земель сих милостью барона.

Он снял шляпу и поклонился поклоном, какого Рун ещё не видел, не столь изящным, как обычно господа перед дамами выписывают, но вычурно и сложно, исполнено достоинством. Лала тут же ненадолго оторвалась от пола, продемонстрировав ответной любезностью свой занятный воздушный реверанс.

– Приятно с вами познакомиться, сэра Амбадосса, – радушно произнесла она, снова приземлившись на ножки.

– Мне честь предстать перед вашими очами! – с чувством сказал герольд.

– Пожалуйста присаживайтесь, сэра, – вежливо попросила Лала, указав на лавочку.

Сэр Амбадосса с некоторым удивлением посмотрел на предложенное ему место, но послушался. Уселся, чуть оставив меч. Лала подлетела к Руну, загадочно буравя его весёлыми глазками. Парила совсем рядом и молчала. Если бы они были одни, Рун бы решил, что она просится в объятия, а тут прямо и не знал. Но её радость была настолько заразительна, что он разулыбался.

– Ну я пойду? – спросил он с лёгким замешательством, любуясь на неё.

– Иди, мой дорогой, – ласково и капельку с юмором произнесла Лала.

Рун поклонился герольду и вышел. Лала опустилась на лавочку в двух шагах от гостя. Сидела, улыбалась, задумавшись о чём-то, прижав ручки к груди. И молчала. Сэр Амбадосса терпеливо ждал, взирая на неё внимательно.

– Какой стеснительный попался мне жених, – со счастливой улыбкой произнесла Лала наконец. – Не хочет выражать прилюдно чувства. Вы, сэр, такой же? Все мужчины таковы? У вас в краях?

– Да боже упаси, – отвечивал герольд. – Когда б ваш кавалер имел хоть каплю благородной крови в венах, кто бы он ни был, он бы пел вам оды, я думаю. И днём и ночью под окном.

– Ну, ночью я б хотела всё же спать, – рассмеялась Лала. – А днём конечно было бы чудесно. Когда б мой Рун мне хоть разочек спел. Но он хороший очень и без песен.

– Вы влюблены, сие заметно сразу, – сказал герольд с оттенком преклонения. – Из вас любовь прямо лучится, госпожа. Подобной силы нежных чувств доселе пожалуй я ещё не видывал ни в ком. Из девушек.

– Я счастлива, – не то согласилась, не то возразила Лала. – Порой так сильно, что уже боюсь, а вдруг как надоест, пресытится, наскучит. Иль утомит всё время быть счастливой.

Но нет, не может счастье надоесть, не может стать обузой. Его всё время хочется. Всё время. Поёт сердечко сладостно в груди. И мир вокруг становится прелестней. Когда оно с тобой.

Она вздохнула, всё так же улыбаясь своим мыслям.

– Какое вы прекрасное создание! – пылко заметил сэр Амбадосса. – Вы восхитительны! И телом, и душой. Впервые я завидую плебею. Что я не он.

– Спасибо, добрый сэр, мне лестно это слышать, – мило ответствовала Лала. – Как будто мы не виделись ещё. Вас не было вчера с бароном здесь?

– К прискорбию не удалось приехать. Я знаю, вы творили чудеса. А я всё пропустил. Теперь клянусь судьбу. Что обошлась со мною столь жестоко. Так редко выпадает шанс увидеть хоть что-то удивительное в жизни. Но суетность забот житейских и на него накладывает длань, смеясь в лицо. Как грустно и нелепо. И ничего не сделаешь.

– Мне очень жаль, – с искренним участием посочувствовала ему Лала. – Изволите попить или покушать?

– Благодарю, не нужно ничего, – покачал головой герольд.

– Тогда я вся в распоряжении вашем.

Сэр Амбадосса встал.

– Позвольте для начала, госпожа, вам выказать своё глубокое почтение.

Он опустился на одно колено и склонил голову.

– Ах, сэр, к чему официоз, ведь это же не во дворце приём,

вы у меня в гостях в крестьянском доме. Прошу, присядьте, – мягко попросила Лала.

– Простите, госпожа моя, – сэр Амбадосса сразу сел. Посмотрел на Лалу долгим взглядом, словно собираясь с мыслями.

– Я слушаю, – произнесла она подбадривающе, с доброй улыбкой.

– Глубокоуважаемая фея, – заговорил герольд. – Я должен подготовиться к приёму вас в замке нашего милорда. Поэтому есть множество вопросов, которые нам надо разрешить. Ведь здесь у нас в глуши никто не знает. На них ответы. Укажите, сколько из них мне позволительно задать, чтоб вас не утомить чрезмерно. Пять? Восемь? Дюжину?

– Так много? – удивилась Лала. – Вот что, сэр. Давайте, я вопросы ваши чуть предварю коротеньким рассказом об этикете, принятом у фей. Быть может вам и спрашивать что-либо нужна сама собою отпадёт.

– Я весь внимание, – отвечивал герольд.

– Сэр, в нашем королевстве дамы и с крыльями бывают и без крыльев. Поэтому и нормы этикета имеют двойственность. В которую всегда. Заложено практичное начало. Вот взять к примеру выход из кареты. Тем дамам, кто к полёту не способен, им надо руку подавать, когда выходят. Чтоб им удобней было, чтобы не упали. А дамам, кто летать умеет, руки не подают. Им просто открывают дверь, и всё. Удобней вылетать, когда тебя не держат. А вот когда сидишь, взлетать

неловко, сначала нужно встать на ножки, поэтому сидящей даме, имеющей намеренье подняться, необходимо руку подавать всегда, не важно с крыльями она или без крыльев. Вы понимаете, сэр Амбадосса? Галантность служит лишь удобству. Когда по лестнице вниз барышня нисходит, той, что без крыльев, нужно руку подавать, её надо вести. А с крыльями наоборот, не надо, для ней спускаться без поддержки проще, лишь кавалер, кто фее дорог, супруг, жених иль может лучший друг, бывает, держит и на лестнице её, чтоб ей свидетельствовать трепетные чувства. И всё. Относится сие к прогулкам и к обычным, которые без спусков и подъёмов. Когда идёте вы с крылатой дамой, она не упадёт и не споткнётся, поддержки ей от спутника не надо, поэтому она захочет взяться за ручки только с тем, кто мил сердечку. А если вы настойчиво начнёте пытаться взять её под ручку сами, когда вы ей не кто-то очень близкий, то это будет грубо и бестактно. Но если она ножками идёт, пройтись решила, не взлетает, тогда тут действуют все правила и нормы, присущие для дам, кто не крылат.

– Как удивительно и интересно, – молвил герольд с задумчивым видом. – Я суть определённо уловил. Теперь, когда к себе приеду, детальнее над этим поразмыслю, госпожа моя. Ещё есть что-то важное?

– Как будто нет, – поведала Лала. – Ну, может, что не кушаем мы мясо. Сэр, знаете, я видела картину, написанную маслом, пира гномов. Они охочи к мясу, как и люди. Там

на столах у них лежали туши. Оленя, поросёнка, гуся. Все без голов. И рыба с головой. Зажаренные. Всякая из фей, попав за данный стол, расплакалась бы горько, я думаю. А ежели при ней ещё и станут туши резать и косточки глотать. Это такой кошмар, который даже страшно и представить. Мы с пониманием относимся к тому, что многие созданья любят мясо. Но если вы хотите пригласить какую-то из фей к себе за стол, желательно чтобы мясные блюда не выставались слишком напоказ, завуалированы как-то были. Иначе ей ужасно грустно станет. И тяжело.

– Спасибо, что предупредили, госпожа, это избавит нас от множества ошибок. Что-то ещё?

– Не нужно быть настойчивым ни в чём. Настойчивость есть форма принуждения. Но я здесь не подвластна никому. Ни господам, ни лордам, ни монархам. Галантный кавалер уступит фее. Если она чего-то не желает. Даже когда того желает он.

– Вы пиши много мне для размышлений дали, – благодарно заметил герольд. – Вопросов множество сами собой отпали. Осталась ещё пара, если можно?

– Я слушаю, сэра Амбадосса.

– Как правильно к вам обращаться? Как объявлять вас? Фея? Госпожа? Миледи? Леди? Дама? Дева? Или по имени быть может? У нас никто не знает ваших правил, как обращаться к феям надлежит.

– Как вам удобней, так и обращайтесь. Что вежливым со-

чтёте, то меня устроит, и не обидит. Только не «миледи». Миледи – это всё же статус. Которым я не обладаю здесь.

– Тогда последнее. Какого вы сословия? Что благородного, я вижу по манерам. И речи. Но какого?

– Это совсем неважно, – мягко сказала Лала.

– Ну как неважно? – искренне удивился герольд. – Это очень важно. А вдруг вы благороднее барона? В подобном случае с почтением глубоким он будет должен относиться к вам.

– Сэр Амбадосса, я же говорила, настойчивость не надо проявлять, – снова очень мягко произнесла Лала. – Любая фея в вашем мире. Всегда равна со всеми. Но если вы другого мнения, то выберите сами, кем меня считать. Хоть королевой, хоть крестьянкой. Мне всё равно.

– Прошу меня простить великодушно, госпожа моя, – смущённо проговорил герольд. – Одна ошибка позволительна любому. Второй раз я вас так не подведу.

Рун сидел на корточках, выискивая в посадках гусениц. Бабуля поодаль пропалывала грядку. Всегда работы много в огороде. Сколь бы не делал, а она всё есть.

– Рун, – позвал вдруг сзади звонкий озорной девичий голосок.

Он встал, обернувшись. Лала парила рядом с приветливой улыбкой. Он тоже разулыбался, радуясь ей и её хороше-

му настроению. Сверху на них светило ярко солнышко, даря тепло, ясный летний денёк наполнял окружающее пространство ощущением праздника. Лала подлетела к Руну совсем вплотную и стала весело буравить его глазками. Парила и молчала, улыбаясь чуть иронично.

– Лала, я немножко замарался, – сказал Рун извиняющимся тоном.

– Очистишься, когда меня обнимешь, – усмехнулась она.

– Соседи смотрят, вон, из-за ограды.

– Рун, ну и что? Ты вроде мой жених.

Он сдался, шагнул к ней и обхватил руками. Лала вздохнула счастливо.

– Ушёл герольд? – спросил он тихо.

– Ушёл.

– Всё выяснил, что надо?

– Вроде всё. Иль нет. Не знаю, Рун. Как будто бы это сейчас столь важно. Нашёл о чём с невестой говорить. В такую романтическую минуту.

– О чём же надо говорить?

– О чём-нибудь. Таким, что будет девушке приятно. О красоте моей. О чувствах пылких. Своих ко мне.

– Но я жених-то вроде понарошку.

– А счастье у меня по правде, Рун.

– И у меня, красавица моя.

– Ну вот, уже чуть-чуть получше. Насколько ж я красива?

– Как улыбка бога. Как пенье соловья, как утренний рас-

свет. Как полевых цветов благоуханье. Как радость жизни.

– Ой, – промолвила Лала в безмерном приятном удивлении. – Вот это да! Ты прям меня сразил, Рун. Спасибо, мой хороший.

– Да не за что, родная.

Лала снова счастливо вздохнула.

– Сама уже из дома вышла. Не боишься, – порадовался он.

– Ага. Закончилось моё затворничество, – ответила она тепло. – Устала уж сидеть в избушке. Хочу на волю. Мир ваш посмотреть.

– Теперь поди посмотришь. Ты слышала, барон издал указ. Чтоб за тобою люди не ходили. Ослушаться его навряд ли кто посмеет. Включая даже знать.

– Бабушка Ида говорила про указ. По-моему это немножечко жестоко. По отношению к тем, кто здесь живёт. Ведь все хотят на фею подивиться. Наверное. А им теперь нельзя.

– Нисколько не жестоко, Лала. Иначе бы тебе народ прохода не давал. Барон наш, прямо скажем, молодец. Так выручил. Нам надо в ноги кланяться ему за это.

– Ну, феи так не кланяются, Рун. И нам так не кланяются. Мы вам не слуги и не господа. Но за заботу конечно нужно будет поблагодарить милорда сердечно.

Какое-то время они просто стояли, молча.

– Лала, – позвал Рун через минутку.

– Что, мой котёнок?

– Солнце поднимается, – промолвил он мягко. – Скоро

уж и полдень. К кузнецу идти. Хоть сколько-то бы надо поработать. До этого. А то мы обнимаемся, а бабуля одна тут трудится. Обижаться будет.

– Ты нехороший, – с полушутливой печалью произнесла Лала. И отстранилась.

– Побудешь здесь, со мной? Пока я гусениц ищу, – предложил Рун. – Посмотри, что у нас растёт. У вас такие же растенья в огородах?

– Какие-то похожи, другие нет, – ответствовала Лала. – Рун, я хотела бы помочь, тоже поработать. Мне интересно. Ты поучи меня, что делать, тут я и помогу.

– Я гусениц сейчас ищу, – поведал Рун. – Их прям нашествие. Хочешь, тоже их поищи.

– Так просто всё? – обрадовалась Лала. – Рун, а находишь гусеничку, и что потом?

Она уставилась на него с простодушным наивным ожиданием.

– Ну... давишь, – сказал Рун смущённо.

– Ой, – Лала в растерянности посмотрела ему в глаза. – Рун, убивать нехорошо. Гусенички тоже жить хотят. Они же просто кушают, и всё. Они невинны.

– Лала, тут выбор-то невелик, – с сожалением пожал плечами Рун. – Или мы их убьём, или они нас. Съедят всё, и мы с голоду помрём зимой с бабулей. Что тебе больше по душе?

Лала призадумалась.

– Рун, у тебя есть вазочка? – спросила она наконец.

– А что это?

– Хм. Кадушечка хрустальная. Небольшая.

– Хрустальной нет. Есть деревянные.

– Из дерева пожалуй даже лучше. Ты можешь принести?

– Ага. Сейчас, – с некоторым удивлением кивнул Рун.

Он отошёл. Лала с интересом стала оглядывать всё вокруг. Заметила любопытные лица за оградой, радостно помахала им рукой, лица немедленно расцвели улыбками и вежливо приветственно закивали. Огород был большим. И очень ухоженным. Аккуратные грядки, растения стоят на них рядами, словно солдаты выстроились в полк. Какие-то цветут, другие нет. Над ними вьются пчёлки деловито, летают мушки да стрекозки. Пичужка рядом ищет червячков. Две яблоньки чуть в стороне стоят, с ветвями в яблочках зелёных неспелых. Виднеются соседские домишки, а дальше речка, лес, холмы. Для феи нет приятнее картин, чем летняя цветущая природа. Зелёных красок буйство, ароматы трав, ласканье ветерка, тепло, прозрачность неба. Всё это очень согревает душу и дарит чувство радости сердечку. Усиливая ощущение счастья.

Рун воротился с маленькой кадушкой в руках.

– Поставь её на землю, милый, – улыбнулась Лала.

Он послушался. Лала склонилась к посадкам, стала внимательно приглядываться, увидела маленькую зелёную гусеницу, обрадовалась, подставила мизинчик прямо к гусенице, и та сразу переползла на него. Рун наблюдал за происходя-

щим, не зная, чего ожидать. Лала поднесла пальчик с гусеницей к лицу.

– Здравствуй, моя крошка, – ласково сказала она. – Пожалуйста, расскажи всем своим подруженькам зелёным, что более на этом огороде нельзя вам оставаться. Вы заберитесь все в кадушечку вот эту. А мы вас отнесём попозже на лужок на край деревни. И выпустим там. Хорошо?

Гусеница приподняла свою переднюю часть и несколько раз сделала движение, которое никак нельзя было понять иначе, чем кивок. Рун в изумлении уважительно покачал головой. Лала опустила пальчик к растениям, и гусеница сразу переползла на них.

– Ну вот, – довольно произнесла Лала. – Готово. Теперь тебе, Рун, не надо никого убивать. Ты положи лишь травки им в кадушку, чтобы им было что покушать. Пока мы их не унесём.

– Спасибо, Лала! – взволновано с чувством молвил Рун. – Сейчас нарву. И они что, сами туда переползут? Все-все? Со всего огорода?

– Да, Рун. Только им время на это надо. Когда от кузнеца вернёмся, поди уж будут все в кадушечке сидеть.

– Ох, Лала! Не знаю как и благодарить тебя! – с бесконечной признательностью произнёс Рун. – Выручила сильно.

– Рун, феи очень любят помогать. Нам это самое приятное, – радуясь, объяснила Лала.

– Рун, зачем тебе кадушка? – не выдержав, подошла по-

любопытствовать бабуля.

– Бабушка, сейчас все гусенички с вашего огорода начнут в кадушечку сползаться. А мы их позже унесём куда-нибудь и выпустим, – поведала ей Лала с сияющим личиком. – И боле они к вам уж не вернуться. Как минимум в ближайшие года.

– Да правда ли это, доченька?! – в непередаваемом удивлении воскликнула старушка.

– Всё правда, бабушка. Вы только уж смотрите теперь внимательно под ножки, чтобы гусеничек не раздавить. Пока они сползаются сюда. А то я окажусь пред ними виноватой, – попросила Лала очень мягко.

– Да благословят тебя небеса за доброту твою, доченька! – растроганно вымолвила старушка, набожно сотворив знак благодарения. А после вдруг упала на колени и поклонилась ей головой до земли. Соседи из-за ограды с изумлением следили за происходящим.

– Бабушка, ну что вы, не кланяются феям в ножки, – стала ласково уговаривать её Лала. – Поднимитесь. Тем более, мы всё же не чужие. Я уже ваша. Женою стану Руну. Когда-нибудь.

– Бабуль, вставай, а то люди вон глядят, не надо, – сконфуженно попросил Рун.

Вместе они помогли бабушке подняться. Та посмотрела на Лалу в смешанных чувствах – благоговейно, и задумчиво, и грустно.

– Я знаю, так не будет, – произнесла она голосом, полным печального смирения пред судьбой. – За Руна ты не выйдешь, дочка. Не по нему невеста. Но ничего. Ходить я буду аккуратно. Чтоб ни одну букашку не помять. Не беспокойся, Лала. И спасибо тебе за помощь. За доброту твою. За всё.

– Не за что, бабушка Ида, – тоже чуть грустно и тепло ответила Лала.

Бабуля отправилась к своим грядкам. Рун быстро набрал в кадучку трав и листочков.

– Поди достаточно? – спросил он.

Лала кивнула. Они стояли и глядели друг на друга молча. Лала на него душевно и приязненно, он на неё с душою, переполненной какими-то светлыми ощущениями от свершившегося волшебства.

– Знаешь Лала, – промолвил он вдруг тихо. – В сказках за всякий дар всегда наступает расплата. Без разницы, за добрый или злой. Всегда за всё приходится платить. А у меня какая плата будет?

Лала одарила его взглядом, наполненным доброй печалью.

– Я, Рун, уйду когда-нибудь. Ты будешь тосковать по мне. Вот в том твоя расплата. Видимо. Прости. Я тоже буду тосковать по тебе, чтоб ты знал. Очень.

Ненадолго снова наступила тишина. Набежавший порыв ветерка всколыхнул им обоим волосы.

– Между прочим, ты сотворила чудо, – усмехнулся Рун. –

Причём без спросу.

– А вот и нет, – разулыбалась Лала. – Я просто гусеничке пару слов сказала. И ты б так мог, сие не колдовство. Она мне ничего не отвечала, не говорила слов. Так в чём тут чудеса, любовь моя?

– Да уж! – весело подивился Рун её изворотливости. – Вот так фея! Всегда не против объегорить простаков.

– Я хитрая коварная злодейка. Хочу похитить у тебя сердечко, – озорно сообщила она, а затем подлетела к нему совсем близко и стала буравить смеющимися глазками. Смотрела на него смешением добрых чувств – загадочно, и иронично, и просяще. И нежно. Рун крепился, сдерживался, пытаясь ей не поддаваться, но вскоре всё же не выдержал и прижал её к себе. Она вздохнула счастливо.

– Ох, Лала, – только и вымолвил он, словно журуя её немножко.

– Что? – сияя личиком, поинтересовалась она, будто спрашивая «за что же ты меня ругаешь, милый»?

– Соседи, вон, опять дивятся, – поведал Рун беззлобно. – У нас наверное никто не обнимается столь часто. Ни суженые, ни женатые. Боюсь, что будут говорить об этом много. В округе все кому не лень.

– Повезло тебе, – порадовалась за него Лала. – Все будут знать, сколь дорог ты для феи. Завидовать начнут. И уважать.

– Иль ненавидеть. Мне уже сегодня хотели надавать по

шее. На рынке.

– Как это? За что же?

– За то, что я тебя, наивную такую, принудил стать своей невестой.

– Наивный здесь, пожалуй, только ты, – улыбнулась Лала. – Какие странные у вас в краях бытуют представления о феях. Когда увидят, сколь я счастлива, поймут свою ошибку, Рун.

– Надеюсь, солнышко моё. Лала.

– Что, мой котёнок?

– Мне бы ещё воды натаскать. Сегодня хоть немного. До полудня. А то почти не осталось.

Лала протестующе издала невнятный звук.

– Ну, милая, ведь нечем поливать. Растения завянут в огороде. И мы с бабулей с голода помрём. Зимой. Ты же этого не хочешь, правда?

– Вы очень много кушаете, Рун, – вздохнула Лала. – Людей наверно прокормить непросто. Пойдём уж за водичкой. Только вместе. И можешь, так и быть, держать меня за ручку.

– Спасибо, Лала. Я это правда очень люблю. Держать тебя за руку, – сказал он вдруг совершенно искренне, словно делиась с ней чем-то сокровенным.

– Да знаю, Рун, – мягко промолвила Лала, так же отбросив всякие ироничные нотки из голоса. – Я тоже это люблю. Я люблю каждое твоё прикосновение.

Руну стало очень тепло на душе от её слов. А потом вне-

запно на секунду заболело внутри. Нестерпимо.

– Лучше б меня любила самого, – как будто с юмором посоветовал он грустно.

Лала почти сразу как-то замерла, сжалась в комочек. А затем отстранилась.

– Рун, зачем ты так говоришь? – расстроено произнесла она. – Разве ты не знаешь, как я к тебе отношусь?

– Лала, ну я же пошутил, – в некотором удивлении сказал Рун извиняющимся тоном.

– Нет, Рун, вовсе нет. Я ведь тебя чувствую. И магии сразу меньше стало. Тебе кажется, ты шутил, но ты лишь высказал то, что у тебя на сердце. Считаешь, ты мне не дорог?

– Да нет же, Лала! Я так вовсе не считаю, – честно заверил он.

– Тогда что?!

Рун призадумался, глядя на Лалу виновато.

– Я не сомневаюсь, что дорог тебе, – вздохнул он наконец. – Просто... твои чувства от магии родятся, которую ты из меня черпаешь. А если уберёшь её, и что останется? Ну как тут разобраться человеку? Захочешь ли в объятия тогда? Продолжишь излучать столь сильно счастье, когда я рядом? Вряд ли, правда? Иначе станет сразу всё меж нами. Уже не буду нужен как жених. А буду просто друг, один из многих. С которым можно поболтать порой. Но слишком часто видеть – это бремя. А прикосаться – неуместная неловкость. Я, Лала, стараюсь гнать от себя подобные мысли. Но иногда не

удаётся. Прости.

В глазах Лалы запылала обида.

– Рун, чего ты хочешь от меня? – проговорила она сдавленным голосом. – Я та, кем создала меня природа. И мне иною никогда не стать. Не нравится, найди себе девицу, кто будет, не влюблённая в тебя, с тобою счастлива, желать твоих объятий, и нежных слов, и быть твоей невестой. Удачи в поисках.

Она развернулась и полетела к дому. Рун поспешил за ней.

– Лала, ну прости, – взмолился он. – Я же не хотел.

Она остановилась, обернулась. Отстранённо посмотрела на него:

– За что ж прощать? Ты рассказал о своих чувствах. Ведь мы не управляем ими, Рун. Твои вот таковы ко мне. Наверно надо мне искать другого. Того, кому объятия со мной не будут столь обузой.

У Руна от этих слов не секунду аж перехватило дыхание. Лала снова полетела к дому и вскоре скрылась за дверью. Он за ней уже не пошёл.

Плебея бытие рутинно и сурово. Не терпит праздного терзания души. Как бы себя не чувствовал, работать надо. Рун хоть и был безмерно опечален, взял вёдра и отправился к реке. В груди огнём болезненно пылало, тоскливых мыслей рой сознание угнетал. А он всё шёл, пути не замечая. Жизнь череда из радости и горя. Недавно весел был, теперь хоть

волком вой. Так странно. Всё же с девушкою дружба – вещь не из лёгких. Справится не каждый. Ему сие похоже не дано. Насколько просто было одному. Ничто не беспокоит, не тревожит. А тут то счастлив, то несчастен бесконечно. Безумие. Наверно даже лучше, что Лала вознамерилась уйти. Ей у барона будет проще и надёжней. И не обидит уж поди никто. Как он не раз обидел. Там же все... галантные, услужливые дамам. Но как же сердце расставаться с ней не хочет. Прямо ноет, нестерпимо, хоть топись. Рун привык не показывать никому, что у него на душе, вот и сейчас лицо у него сохраняло непроницаемое спокойствие. Может конечно односельчанам было малость и странно видеть влюблённого возлюбленного феи таким безучастным, с другой стороны, все они знали его именно таким, да и для них он просто дурачок, а дурачкам присущи странности. С ним не раз заговаривали, он что-то говорил в ответ, и сам не помнил что. Так сделал несколько рейсов за водой. Солнце поднялось уже высоко. Хочешь не хочешь, надо прерваться. Рун в последний раз принёс полные вёдра к бочке в огороде, слил туда из них воду. Постоял пол минуты, не то отдыхая, не то морально готовясь. Чудесный летний день дарил тепло. Вокруг цвела растеньями природа. А у него цвела печаль на сердце. Он собрался с духом, вошёл через заднюю дверь в дом. Зашёл в горницу. Лала лежала на лежанке, накрывшись одеялом. На его приход никак не отреагировала.

– Лала, – позвал он её негромко.

– Что? – после некоторого молчания отозвалась она спокойно грустным голосом.

– Полдень скоро. Ты к кузнецу нашему обещалась, – осторожно напомнил Рун. – Пойдёшь?

– Нельзя не пойти, – произнесла она всё так же грустно. – Это его обидит.

– Хочешь, одна пойдёшь. Скажешь, что у меня дела. Я тебя провожу, и всё, – мягко предложил Рун. – А то заметят, что мы в ссоре, если вдвоём будем.

– Ладно, – согласилась Лала.

– А если хочешь другого искать, надо всем объявить, что мы расстались. Я уж придумал. Буду говорить, понял, что я тебе не пара, и отпустил, развеяв первые два желания третьим. Вот. Отведу тебя к барону. Поди поселит у себя, не откажет. Только я не знаю, как ты будешь объяснять всем, почему домой в свой мир не возвращаешься. Можно говорить, наш мир решила посмотреть, потому и не торопишься к себе. Ну или всё же рассказать про проклятие.

Лала не ответила. Какое-то время она лежала не двигаясь. Потом зашевелилась и села на лежанке. Уставилась на него печальными глазками.

– Рун, ты считаешь, ты мне не пара? – тихо спросила она.

– Ну... да, – честно ответил он. – Это и ежу понятно.

– И кто же мне пара по-твоему?

– Кто-нибудь галантный. С гербом и титулом. Кто сможет защитить, и обогреть, и кров дать... не столь убогий, как у

нас.

– Но ты меня поймал, Рун. Я дарована тебе небом. Как бы, – заметила Лала.

– И что? Причём тут пары? Фей же ловят для исполнения желаний. Не для женитьбы. Хотя иное было бы неплохо, – чуть усмехнулся Рун. – К тому же я тебя отпустил. Значит это не был дар. Это была насмешка небес. Поймал, но остался ни с чем. Правда ты опосля вернулась. Однако это уже было твоё решение, небо тут ни при чём.

– То, что ты меня отпустил, небо тоже ни при чём, Рун, – произнесла Лала грустно.

– Как бы не так! – не согласился он. – Я не мог тебя оставить. Никак. Небо не могло не знать об этом. Значит посмеялось надо мной. Когда послало тебя мне.

– Всё, Рун, творится волею небес. Мы были счастливы. Оба. Никакая это не насмешка. Это большой дар.

– Это ещё большая насмешка, чем ты думаешь. Ты уйдёшь к другому, сильно я буду счастлив после этого? Буду ходить и благодарить небеса, какой я баловень судьбы.

– Будешь жалеть, что меня встретил?

– Ну почему же. Пусть лучше небо шутит, чем наказывает. Узнал хоть, что такое счастье.

– Значит это всё же был дар, – мягко возразила Лала.

– Ну, может и так, – пожал плечами Рун и улыбнулся. – Тебя не переспоришь, Лала.

– Рун, – вдруг посмотрела она на него просяще почти с

мольбой, – давай мириться. Пожалуйста!

Болезненные интонации, слышимые в её словах, отозвалась тоской в его душе. Рун бы и сам хотел. Всем сердцем. Но разве можно здесь исправить что-то. Ему казалось, их отношения навек разбиты, и не собрать осколки.

– А как? – спросил он, испытывая глубокое сожаление.

– Обнимешь меня, тут и помиримся, – с невинной верой поведала она.

– Давай, – вздохнул он.

Лала выпорхнула с лежанки, подлетела к нему. Остановилась в пол шаге, опустилась на ножки. Стояла и ждала, глядя на него. Глаза её лучились теплотой, и грустью, и надеждой. Ну как тут не прижать её к себе. Рун шагнул к ней и обхватил руками. Лала одарила его взглядом, полным нежности.

– Рун, – произнесла она взволнованно виноватым голоском. – Прости меня, мой славный, я была очень неправа. Я всё время очень счастлива с тобой. Очень-очень. Это твоё отношение ко мне. Магия объятий родится ведь от чувств мужчины к фее. Твои ко мне сильны. Сказала ненароком тебе то, что тебя расстроило, ты огорчился, а я вместо того, чтобы утешить, набросилась на тебя. Я нехорошая. Мне очень-очень стыдно. Простишь меня, любимый?

Её личико было исполнено неподдельных переживаний. Руну стало бесконечно совестно, что он причина её горести. Такое светлое счастливое создание. И вот страдает.

– Думаю, что это всё-таки моя вина, а вовсе не твоя, –

с раскаянием проговорил он. – Я будто бы хожу по кругу, Лала. Каждый раз кажется, уже смирился с твоей природой, и принял её, и счастлив. Но вдруг снова обожжёт. Внутри. И снова тебя обижаю. Не знаю, что с этим делать. Правильно, что ты решила уйти к другому.

В глазах Лалы отразились удивление и растерянность.

– Рун, я не хочу к другому, – прошептала она очень искренне. – Я хочу быть с тобой.

У Руна болезненно защемило в груди.

– Правда? – проговорил он с трудом, словно не решаясь поверить.

– Правда. Мой зайка.

Он глубоко вздохнул, чувствуя, как уходит тяжесть из сердца. И затем ему стало светло-светло на душе.

– Ой! – промолвила Лала чуть ошеломлённо довольным голоском. – Как обухом по голове, Рун. Смотри не отпусти меня только, а то упаду.

– Да уж не отпущу, – пообещал Рун.

Какое-то время они стояли молча. Лала положила голову ему на грудь. На её личике расцвела улыбка счастья.

– А магии-то всё ж заметно меньше, чем было. Ну, до ссоры, – с деланным укором пожаловалась она, а затем добавила виновато: – Не можешь меня до конца простить, Рун? Так сильно тебя обидела?

– Ну... про другого. Мощно резануло. Внутри. Когда ты сообщила, что уйдёшь. Не пришёл ещё в себя пока, – при-

знался он.

– Прости, любимый, чуточку в сердцах сказала. Я не со зла, не для того, чтоб сделать больно. А раз тебе так трудно. Чтобы не страдал. Освободить тебя от муки быть со мной. Вот что в виду имела. Уйти от тебя, это последнее, чего я хочу. И вообще, Рун, ты очень неправ на счёт моей природы. Она хорошая. Подумай, мы с тобой друзья, но дружим так, как ни одна девица с парнем ещё наверно не дружила. Ведь наши отношенья чувств полны, не свойственных для тех кто просто дружит. В них много нежности, и счастья. И объятий. Почти что правда как невеста и жених. И всё благодаря моей природе. А ты её совсем не ценишь, Рун. Не ценишь этого всего, что между нами.

– Я это всё очень ценю, Лала. Ты не представляешь, как, – с чувством произнёс Рун. – Но если ты думаешь, что на свете есть хоть один парень, который сможет, обнимая тебя постоянно, с тобой дружить, ты... наивная.

– Со мной нельзя дружить? – удивилась Лала. – И от чего же?

– Да оттого что начинаешь вскоре... хотеть гораздо большего, чем дружба. И это неизбежно.

– Но ты меня не можешь полюбить. Из-за проклятья, Рун, – не согласилась Лала.

– Считай, как хочешь, только я тебя люблю, – уверенно возразил он.

– А вот и нет, – мягко сказала Лала с лукавой улыбкой.

– А вот и да, – усмехнулся Рун.

– А где же моя магия? – поинтересовалась она невинно.

– Пожертвуй что-нибудь, тогда поди вернётся.

– Лягушек нет поблизости, – весело проронила Лала.

Рун рассмеялся, Лала тоже.

– Ну вот, уже получше, – буркнула она.

– Лала, – позвал он.

– Что, милый? – спросила она добродушно.

– А если ты превратишь лягушку в подобие себя, это будет прям одинаково? Ну... целовать. Я и не отличу?

– Ну, не совсем, Рун. Для лягушки ты будешь просто незнакомый чужой человек. Она к тебе ничего не будет чувствовать. А я к тебе очень много всего чувствую. Это большая разница, Рун. Для... поцелуя. Я думаю. Огромная разница.

Она подняла голову и стала глядеть ему в глаза. И столько было тепла, и ласки, и приязни, и милого очарования, и трогательной доверчивости в её взгляде. Ну где тут выдержать простоватому деревенскому пареньку.

– Ох, мамочки! – в радостном удивлении прошептала Лала. – Держим меня, Рун, только. Пожалуйста!

– Держу, держу, – успокаивающе заверил её Рун. А потом улыбнулся, – Такие у тебя слабенюкие ножки. И крылышки. Любовь моя.

– Да, феи очень хрупкие создания, – подтвердила Лала счастливо.

Время шло, а они стояли, согревая друг друга.

– Надо идти, Лала, – вздохнул Рун. – Полдень уж почти.

– Давай, Рун, чуть опоздаем к кузнецу. На пять минуточек, – попросила Лала нежным голоском. – Поди простит.

– Давай, – тихо произнёс он. – Я тоже не хочу... так скоро... отпустить тебя.

Дом кузнеца располагался недалеко от избы Руна. Минуть шесть дворов, и вот он, идти всего ничего. Рун с Лалой, держась за руки, неторопливо проделали этот путь. Лала сияла, просто лучилась приподнятым настроением, и Рун знал, дело было не в объятьях, не только в объятьях, не так уж и долго они обнимались, не столько, как ей обычно надо, чтобы зарядиться безудержным счастьем, не угасающим часы. Просто она, как и он, радовалась, что меж ними снова всё хорошо. Счастливую фею объятий не отличить от влюблённой. Как отличить, если её счастье родится от её мужчины. Всё в ней поёт внутри, когда он с ней, это не скрыть, да она и не пытается скрывать. Всяк, кто её увидит, непременно решит: вот идёт, ну или летит, девушка, со своим парнем, и она наслаждается каждым мгновением от близости к нему, и тем, что она любит и любима. Для деревень картина настолько сильных нежных чувств – зрелище не из частых. Крестьяне с лет молодых в делах, по дому помогают и по хозяйству, присматривают за младшими детьми, а то и в работ-

ники идут куда, всё лишний кусок хлеба. Им прокормиться бы, не до любовных дел, к тому же сватают родители, стремясь пристроить чадо получше иль повыгодней. Это не жестокость, это суровый прагматизм, в богатом доме всё равно рано или поздно стерпится-слубится, а в бедном любовью сыт не будешь сам и деток не накормишь. Девиц, бывает, сбагривают и абы куда, первому более-менее приличному посватавшемуся, лишь бы не сидели ярмом на шее. Конечно же хватает в деревнях и браков по любви, у крестьян с этим проще, многие примерно равны в плане достатка, и потому если молодые нравятся друг другу, их с удовольствием поженят. В счастливой семье и работа лучше спорится. Но далее на молодожёнов быстро наваливается тяжёлый груз забот по хозяйству. Притупляя интенсивность их амурной взаимоувлечённости. И всё же, несмотря на все заботы, глубоко всякий понимает, в чём истинная радость бытия. Она в сердечной связи с кем-то. Поэтому вид девушки, которая безмерно влюблена, и безгранично счастлива в своей любви, конечно пробуждает у окружающих, и зависть белую, и воспоминанья о собственных младых годах, когда в душе романтика пылала, и много прочих светлых чувств. Особенно когда она – премиленькая фея – создание, поцелованное небом, почти что ангел воплоти. Всякому из прохожих, кто встречался с Лалой глазами, она улыбалась тепло, и всякий сразу начинал, хочет он того или нет, улыбаться в ответ, даже стражники, и те расплылись в улыбках. От этого

создавалось ощущение, что мир вокруг переполнен добром и радостью. Ворота у кузнеца были открыты настежь, словно он ждал не двух соседей пеших, а всадников кортеж. Дом у него большой, ухоженный, красивый, не похожий на покосившуюся избёнку Руна, сразу видно, здесь живут зажиточно, в достатке. Вся семья кузнеца в сборе, одетые в самое лучшее выходное, встречали их пред воротами – сам он, жена его, их детки, его престарелая мама.

– Здравствуйте, гости дорогие! – восторженно воскликнул кузнец, как только Лала с Руном приблизились. – Добро пожаловать в наш скромный дом.

Он поклонился в пояс, а за ним и его семья. Рун, не ожидавший такой торжественной встречи, тоже поклонился, смущённый. Лала, приветливо улыбаясь, выполнила с изяществом свой обычный воздушный реверанс.

– Здравствуйте, добрые хозяева! – мило произнесла она. – Спасибо за приём ваш тёплый.

– Вам, госпожа, спасибо, что удостоили визитом! Проходите, прошу вас, – рассыпался в ответных любезностях кузнец.

Лала с Руном проследовали во двор, и старшие сыновья кузнеца, два крепких близнеца-подростка, споро затворили за ними ворота, к огорчению наблюдавшей из-за своих оград за происходящим соседской публики.

– Позвольте представить вам, госпожа, мою семью, – сказал Тияр. Его домочадцы выстроились в ряд по старшин-

ству. – Вот это мамаша моя дорогая, наша баба Оша.

– Здравствуйте, бабушка Оша, – почтительно поприветствовала её Лала.

Мать у Тияра была совсем старенькая, но ещё бодрая старушка, в здравом уме. Смотрела на Лалу растроганно и радостно, с детским удивлением в глазах.

– Здравствуйте, добрая госпожа моя, – сердечно произнесла она. – Вот не думала, не гадала, что на старости лет увижу столь дивное диво.

– Спасибо, бабушка, – улыбнулась ей Лала. – Только пожалуйста, не надо звать меня госпожой. Я же для вас просто соседская девушка. Или вы всех соседских девушек зовёте господами? У вас так принято?

– Да нет... госпожа, – с некоторым замешательством ответил Тияр. – По именам всегда зовём их.

– Тогда и я хотела бы быть как все. Зовите меня Лала.

– Вы всё же не просто девушка, – недоумённо заметил Тияр. – Всякому должно выказывать почёт согласно тому, кто он есть. Иное было бы неуваженьем.

– Зовите хотя бы Лаланной. Это чуть более официально, – мягко попросила Лала. – Мне хочется пожить вашей жизнью. Как принято у вас в деревне меж соседями.

– Ну ладно, госпо... Лаланна, – согласился Тияр.

– Вот и славно! – порадовалась Лала. – А то вам и Руна пришлось бы называть «господин Рун», ведь он мой будущий супруг.

Она разулыбалась весело. Тияр рассмеялся, его семья тоже озарилась улыбками.

– Вот это моя жена любимая, Алра, – продолжил кузнец представлять семью.

– Приятно познакомиться, милая хозяйюшка, – обратилась к ней Лала.

– Какая ж вы красавица, Лаланна! – восхищённо вымолвила Алра, крупная женщина с рыжими волосами, слегка подёрнутыми сединой.

– Спасибо, вы тоже очень красивая, – ответила Лала с искренней улыбкой.

– Была когда-то ничего, – вздохнула Алра добродушно.

– Вот это моя дочка старшенькая, Найя, – представил Тияр белокурую девушку лет 17 с миленьким личиком.

– Здравствуй, Найя, – приветливо сказала Лала.

– Здравствуйте, – пролепетала девица смущённо, глядя на Лалу во все глаза.

– Вот эти два оболтуса, Ан и Ян, моя надежда и опора, – усмехнулся Тияр, указав на близнецов-подростков.

– Все в папу, – похвалила их Лала, – такие же силачи.

– Что есть, то есть, – с гордостью кивнул Тияр. – Моя порода.

Ан стушевался и покраснел под взглядом Лалы. Ян напротив, уставился на неё с демонстративно откровенным интересом, улыбаясь ей многозначительно.

– Это наш средний сынок, Киру – продолжил Тияр. – Это

Даро. Это Фунч. Эта шалунья с косичками – Буни. А эту малышку вы уж знаете. Это наша младшенькая, Мия.

Лала всех меньших детей погладила по головам, а перед Мией опустилась на ноги, присела.

– Я тебе подарок обещала, помнишь? – спросила она ласково.

Девочка молчала сконфуженно. Рун подошёл и протянул Лале дудочку. Лала передала её Мие.

– Держи, моя хорошая. Только делись с братиками с сестричками, давай им тоже подудеть, ладно?

Мия обрадовано зажала дудочку в ручках, кивнула. Лала встала.

– Такая милая малышка! – лучась радостью, произнесла она, и обернувшись к Руну добавила невинно, – Рун, ты хотел бы дочечку?

– Ну... можно, – растерянно промолвил он.

Лала одарила его тёплым ироничным взглядом.

– У нас и ещё есть подарочки, – сообщила она семье кузнеца, сияя личиком.

Рун передавал ей, а она вкладывала в ручки младших деток. Буни достался красивый гребень, Фунчу резная лошадка, Даро получил небольшую фигурку рыцаря с мечом. Ребятня была в полном восторге. Благодарили Лалу, сверкая глазёнками – после напоминания папы. Мальчики даже отвесили поклоны.

– Какие славные у вас детки, – улыбнулась она Тияру и

его жене. – И так много. Вы счастливые.

– Это не все. Трех уж боги прибрали, – вздохнул Тияр.

– Мне очень жаль, – с сочувствием посмотрела на него Лала.

– Всё волею небес творится, – смиренно проговорил Тияр. – Ну, гости дорогие, прошу в дом наш. Заходите.

В деревне всякий приём гостей означает застолье. Неторопливый пир чем бог послал и добрые беседы. Так было и сейчас. Лалу сразу усадили на почётное место, Руна рядом по правую её руку, сам Тияр сел по левую, холодные блюда уж стояли, хозяйка с Найей засуетились, подавая с огня горячее. Лала смотрела на разрастающееся изобилие еды, округлив глаза.

– Неужели всё это можно скушать за раз? – подивилась она.

– Ну, если постараться, – усмехнулся Тияр. – Здесь нету мяса, не сомневайтесь, Лаланна, у нас в деревне все уж знают, что вас оно печалит. Вот каша парная, вот булочки с маком, вот калачи, творог с мёдом, мёд жидкий и в сотах, салат из зелени, варёная фасоль в приправах из душистых трав, пирог с грибами, грибки солёные, молочный напиток с ягодами, ягода лесная, овощи варёные и свежие, капустный суп, картофельная запеканка с сыром, жареный хрустящий картофель. Моя супруга – мастерица, я думал, чем будем угощать без мясного, но мне не стыдно, ей богу, за этот стол.

– Он замечательный! – произнесла Лала с чувством. – Но

зачем же столько беспокойства? Мне право неудобно. К тому же феи не кушают так много. А Рун покушал уж с утра.

– Что ж ты, брат, перед гостями ешь? – пожурил Руна Тияр.

– Да у нас еды полно, – объяснил Рун. – Надарили Лале, приходится налегать, чтоб не пропало. Ещё воду надо было таскать. С пустым животом работать несподручно.

Хозяйка с Найей наконец закончили подачу блюд и уселись со всеми за столом.

– Ну, гости дорогие, – торжественно сказал Тияр, – уж раз вы к нам пришли, хотите или не хотите, вкусить придётся наших угощений. Не то обидите. Приступим к трапезе.

Он сотворил святой знак благодарения. Семья кузнеца активно застучала ложками, накладывая себе в тарелки. Тияр взял тарелку Лалы

– Я буду ваш слуга сегодня. С чего хотите начать, Лаланна?

– Я бы всего хотела отведать, дяденька Тияр, – скромно промолвила Лала. – Мне очень интересны ваши блюда. Но мне надо по чуточке, прям с ноготок, иначе не скушать, первым же блюдом обкушаюсь и уж другие не смогу попробовать. И мне бы ложечку такую же, как у деток ваших меньших. Если можно. У себя мы ещё меньшими кушаем.

– Найя, подай ложку гостье, – приказал Тияр.

Найя охотно отправилась на кухню. Тияр пока стал накладывать Лале, попросив, чтобы она указывала, сколько чего

ей нужно. В одну тарелку почти всё и вошло. Все смотрели и дивились в немалом изумлении на её порции. С напёрсток кашки, капелька творога, две фасоленки, пол ломтика жареной картошки, несколько ягодок, самый махонький солёный грибочек, с мизинчик запеканки, по кусочку с мелкую монетку булочки и калача. Рун, несмотря на сытость, положил себе запеканки, чтоб не обижать хозяев.

– Да уж! – покачал головой Тияр, когда Лала получила свою тарелку назад. – Удобно с такой женой. Если бы у нас все так ели, голода бы не было никогда.

– У нас не бывает голода, – поведала Лала.

– Счастливые, – вздохнула Алра.

– Хороший у вас мир, – уважительно произнёс Тияр. – Ну, гости дорогие, приятного аппетита и вам, и нам.

Лала с Руном поблагодарили его. И все принялись есть. Лала пробовала каждое кушанье с неподдельным любопытством, вдумчиво жевала. Видно было, ей действительно очень интересно отведать здешней кухни, познать вкус местных крестьянских блюд. Сразу меж ней и хозяевами завязалась непринуждённая беседа. Рун последний раз бывал в чужих домах уж и не помнил сколько лет назад, когда дедушка ещё был жив. Нет, к дяде хаживал, конечно, временами, но это всё-таки другое. А чтоб как гостя его привечали, такого и вовсе доселе с ним не происходило – раньше был мал, потом стал всем немил. Обычно людям нравятся гулянья и празднества в сообществе знакомых, им любо за столом по-

говорить, повеселиться вместе. Однако это происходит потому, что равными они себя воспринимают, даря приязнь и уважение друг другу. Для тех, кого все презирают, не замечают иль не любят, зачем в компаниях бывать – загадка. Ну, может не для всех, есть множество персон, кто горевать начнёт, в изгоях очутившись. Но Рун был не из их числа. Он искренне не понимал, в чём смысл хождения по гостям без дела, и не имел желания понять. Привык в лесу один. Сейчас дело у него было – Лала хотела видеть, как живут у них в деревне, а он её сопровождал. Но и только. Сам по себе этот визит не имел для него какого-то притягательного начала. Скорее был немного обременительной обязанностью. Да, кузнец Тияр всегда к нему относился по-доброму, без всякого негатива. Однако про его семью нельзя сказать того же. Для них Рун был пустое место. Как и они все для него. Он с ними никогда не здоровался, они с ним никогда не здоровались. Для деревни, где все друг друга знают, это очень необычно. Правда для Руна необычным было прямо противоположное. Интересное свойство быть парой фее – тебя всё равно особо никто не замечает, все глаза устремлены только на неё. Веди себя поскромнее, помалкивай, и всё становится привычным, ты словно в лесу, совсем один, словно никого из чужих рядом нет. Удобно. Вот только Лала слишком уж была невестой. И за руку возьмётся, подержится, и одарит нежным взглядом, и улыбнётся мило, поглядев в глаза, и скажет «верно ведь, любимый?», и спросит что-то у него сама,

переключая внимание всех на Руна, заставляя включаться в беседу. Поначалу Рун был слегка не в своей тарелке от всего этого, но вскоре смирился с происходящим и просто наслаждался тем, что Лала с ним и счастлива. Удивлялся – почему ей это так нравится – ощущать себя невестой рядом с любящим женихом, почему так вдохновляет её, заряжает светлой радостью. И радовался такому её невинному очаровательному качеству. Порой любовался на неё откровенно. И видел – ей нравится, что он любит её при всех, она словно расцветала от этого, становилась ещё счастливее. Порой замечал взгляды членов семьи кузнеца, дивящихся на столь нежные отношения меж ними. И видел – Лале нравится, что они замечают и дивятся. Девушки всё же странные существа. Их делает счастливыми столько всяческих мелочей. А парень кажется счастлив лишь когда его девушка счастлива, больше ничего и не надо.

Лалу конечно же много спрашивали о её мире. Принимать фею само по себе почётно, но её рассказы – из первых уст о незнакомых далях, где людям никогда не побывать, об удивительных местах и существах, о троллях и драконах, великанах и единорогах, волшебных папоротниках и нечисти лесной, это дорогого стоит, хозяева с восторженными глазами внимали каждому её слову. Она тоже их спрашивала, а как у вас то-то и то-то, и они с удовольствием отвечали. Но и о личном вопросов было много. Когда свадьба, где собираются жить, не трудно ль фее будет вести крестьянское хо-

зьяйство, как её родители смотрят на её намеренье выйти за человека, дадут ли благословение своё, признают ли брак, коли по человеческим канонам её обвенчают.

– К несчастью в ваш мир очень сложно попадать, – поведала Лала. – Из нашего. Отсюда к нам обратно обычно легче лёгкого уходить. Наш мир нас как бы затягивает назад. Мы ему принадлежим всё же. Поэтому не испросить мне благословения, я думаю, никак. Коли за ним отправлюсь, уже не в силах буду воротиться. Иль много времени надо будет. Месяцы, может годы. Придётся без благословения. Раз воля обстоятельств такова.

– Не должно так, – осуждающе промолвила бабушка Оша, уколов Руна суровым взглядом. – И как тебе не совестно только? Обидеть ангела небесного.

– Ну, не ругайте моего суженого, бабушка, он совсем не виноват. Ни капельки, – попросила Лала по-доброму, озарив Руна ласковой улыбкой.

– Как раз он и виноват, – буркнула старушка сердито.

– Да кто бы отказался, мам, из здешних мужиков, окажись он на месте Руна! – вступился за гостя Тияр. – Думаешь, наши оболтусы не согласились бы? Оба были бы рады без памяти, поверь мне. И мы бы были рады найти им эдаких невест. И ты бы их наверно не ругала, а горда была. Что, отказались бы, Ан, Ян, на феях пожениться?

– Да хоть сейчас пошёл бы под венец! – усмехнулся Ян.

– Надо быть дураком последним, чтобы отказаться, –

вдумчиво заметил Ан.

– Ну вот! – со значением кивнул Тияр. – Видишь, мама?

– Что про них говорить. Не доросли ещё жениться-то, – покачала головой бабушка Оша.

– Почти уже и доросли. Помолвить и сейчас бы можно было. Уж надо и приглядываться к невестам. Лаланна, нет у вас случайно на примете двух юных фей чуть-чуть помладше вас, чтоб их поймать в невесты? – весело спросил Тияр.

– Таких, чтоб согласились, нету к сожалению, – улыбнулась Лала.

– А надо чтоб согласны были, когда желание загадываешь? – заинтересовался Ан.

– Мы чем-то хуже Руна? – с юмором посмотрел на Лалу Ян.

– Немножко Руну повезло, – радостно произнесла Лала. – Правда, милый?

– Думаю, «немножко» – это очень очень большое преуменьшение величины моей удачи, – ответил Рун серьёзно.

Лала разулыбалась.

– Фею поймать не каждому дано, – объяснила она. – Но если и поймаешь, ни одна не выйдет замуж за человека. Хоть по желанию, хоть нет. Не станет исполнять желаний, что ей не нравятся, тем более направленных на неё саму. Рун первый из людей, наверное, кто фее женихом смог стать.

– И как же, если не секрет, ему такое удалось? – с недоумением поинтересовался Ян.

– О, это очень забавная история. Да, дорогой? – мило уставилась на Руна Лала.

– Ага, страх какая забавная, – кивнул он.

– Расскажи им, любимый.

– Да я рассказывал всем уж много раз.

– А я не слышала ни разу, тоже бы послушала.

– Ну, Лала слабая фея, – поведаль Рун. – В этом всё дело. Договорились, три желания исполнит, и я её отпущу тогда. Но что ни спросишь, не может. Говорю, желаю властелином всех королевств быть. Чего мелочиться-то. «Не выйдет», отвечает. Говорю, ну хоть захудалым королём одной какой-нибудь страны. Пусть даже маленькой. И тут никак. «Аристократом можно?», спрашиваю. Чтоб земли, замок, титул были. А она мне, «сложно очень, лет десять ждать придётся, а на успех гарантий нет». Тогда хочу дракона, говорю. Чтобы катал меня на спине вместо коня.

Лала звонко рассмеялась.

– Ох и придумщик же ты, Рун, – проговорила она весело. – Таких желаний насочинял. Драконы очень горделивы. Люди для них что мошки для вас. Стал бы ты мошке служить? Или прихлопнул бы её просто, попробуй она тебя подчинить? Даже и моги я призвать дракона, изжарил бы он тебя, проглотил, и катал бы в животике своём.

Рун улыбнулся ей в ответ.

– Ну, фею поймать трудно, – сказал он. – Чтож я, должен был ерунду какую-нибудь загадать, как в сказках обычно де-

лают? Башмаки новые или топор, который сам дрова рубит? В общем, несколько дней я думал, что же такого попросить у неё. Стоящего. А она со мной была. И тут чувствую, всё, не могу уж без неё, нравиться стала очень. Ну и сказал, желаю, чтоб полюбила меня без памяти. Так, в шутку больше. А она раз, и исполнила.

– Надо же! – подивился Тияр. – И почему же вы исполнили, Лаланна?

– Ну, это и есть самое забавное в нашей истории, дяденька Тияр, – сияя, ответствовала Лала. – Я неловко себя чувствовала. Сильно. Когда не могла исполнить желаний. Чего Рун не спросит, а я не могу. Переживала, что же я за фея такая. А тут он загадал, и я сразу ощутила, что могу. Обрадовалась. И исполнила. И уж потом думаю: «Ой! Что же я наделала-то». Но тут мне в сердечко нахлынули чувства, я стала счастлива, и боле не сожалела ни о чём.

Рун посмотрел на Лалу с шутливым удивлением, она ответила ему довольным озорным взглядом. Семья кузнеца выглядела несколько растерянной.

– И что, Лаланна, вы совсем не расстраиваетесь? – спросила Алра недоумённо. – Ведь у вас ненастоящая любовь, и вы знаете об этом.

– Как это ненастоящая? – удивилась Лала. – Очень даже настоящая, милая тётя Алра. Она вызвана магическими причинами. И только. Если фея наколдует вам злата, вы скажете, зачем оно, оно ненастоящее? Вещи, купленные на него,

плохие? Я счастлива, когда мой Рун рядом, а когда не рядом, счастлива, зная, что скоро увижу его. Любовь вообще сама по себе магия. От чего она возникает, никто не знает. Да и причины не важны. Если бы я могла заколдовать вас с мужем, чтобы в вас чувства вспыхнули с силой тысяч солнц, и вы бы не могли ни насмотреться ни оторваться друг от друга, вы бы прям отказались?

– Не знаю, – произнесла Алра в мечтательной задумчивости. – Тогда бы нам было не до работы. С голоду бы померли все.

– Ну не померли же в юности, – усмехнулся Тияр. – Оторваться было тяжело после свадьбы. Я её заметил ещё в 15 лет. И уж только о ней и думал. Своим сказал, ни на ком более не хочу жениться. Но они не возражали, семья достойная, девица скромная, работающая. Хорошие были дни.

Алра вздохнула, улыбаясь.

– А зачем же второе желание понадобилось Руноу тратить? – пытливо воззрелся на Лалу Ан.

– Феи не выходят за людей, что влюблены они, что нет, – поведала она. – Без второго желания никак не обойтись. Может я и не должна была его исполнять. Но тогда бы исполнение первого желания стало как бы обманом. Подумала и согласилась. По чести это было. Да и самой хотелось. Замуж. К тому же это очень удобное желание. Для слабой феи. Потому что магии не требует. Надо просто сказать «да», и всё.

– Счастливчик ты, Рун, – уважительно покачал головой

Тияр. – Кто бы мог ожидать от тебя такого. Вот дед-то не дожил твой. Хороший был человек.

– Лаланна, – вдруг робко промолвила Найя.

– Что, дорогая Найя? – подбадривающе посмотрела на неё Лала.

– Раз вы теперь невеста и... одна из нас. Вы бы не хотели... отметить вашу помолвку на девичнике с девушками нашими так как у нас принято?

– А как вы делаете?

– Если это летом, собираемся на лужку, наряженные, плетём венки невесте из цветочков, расчёсываем ей волосы, водим хоровод, песни поём. Ведём беседы разные девичьи. Это весело.

– Ой, я этого очень хочу! – с простосердечным воодушевлением призналась Лала, и глазки её загорелись. – Мне бы это было интересно. Очень! Любимый, можно мне пойти с девушками? Пожалуйста!

Она мило уставилась на Руна, с мягкой просящей улыбкой.

– Лала, почему ты меня спрашиваешь? – смущённо спросил Рун. – Как я тебе могу что-то запретить?

– Ты мой будущий супруг, жена должна слушаться мужа, – невинно ответствовала Лала, буравя его очаровательными глазками.

– Вот, Алра, дорогая, видишь как нужно! – шутливо обратился к супруге Тияр. – Учись у фей. Они мудры.

– Ну, я поди не фея, – засмеялась Алра.

– Конечно сходи, Лала, – ласково произнёс Рун. – Я буду только рад.

Найя с интересом пристально поглядела на него.

– Спасибо, мой хороший! – просияла Лала и перевела взгляд на дочку кузнеца, – Я согласна, Найя. Скажи, когда. В любой день. Только не завтра.

– Пусть послезавтра, если погода будет хорошей. А так можно когда хотите. Это не очень долго. Несколько часов. Во второй половине дня. Заканчивают работу пораньше и собираются.

– Как замечательно! – порадовалась Лала. – Дяденька Тияр, тётя Алра. Мне бы хотелось дом ваш посмотреть. И двор. И кузню, если можно. Я ведь впервые в вашем мире. И нигде пока не была кроме как у Руна. Мне всё-всё здесь у вас в диковинку, всё интересно. Очень.

– Ну, кузница-то не здесь. Она на краю деревни, ближе к речке, и к вашей избе. Если хотите, свожу вас сейчас туда, но там остыло всё, лучше потом. Как услышите стук молота, заходите в любой момент, Лаланна, выкую вам безделицу какую. А по дому своему с превеликим удовольствием вас проведу и покажу всё.

– Ну тогда в кузницу лучше потом, – согласилась Лала.

Все встали из-за стола.

– Спасибо за кушанья ваши, за угощения, милые хозяйка, – тепло поблагодарила Лала семью Тияра. – Всё было

очень вкусно. И необычно. Буду рассказывать дома, когда вернусь... если когда-нибудь вернусь, или встречу с родными, какие удивительные кушанья я тут отведала.

– Они обычные, совсем не удивительные, – польщённо промолвила Алра.

– Для меня очень удивительные! – горячо возразила Лала. – Солёные грибки, жареная картошечка. Я такого отродясь не кушала.

– Ну теперь-то ещё надоест успеют, коли у нас будете жить, – заметил Тияр. – На здоровье, Лаланна.

Лале всё было интересно в доме Тияра. И мебель, и шторы на окнах, и утварь, и половички, и убранство спален, и детские игрушки, и даже ручки на дверях и деревянная обивка пола, всему радостно дивилась, спрашивала, что да как, где брали, покупали ли или сами мастерили. Тияр с женой охотно и с мелкими подробностями рассказывали о своих вещах, им явно и льстило и нравилось внимание феи к их быту. У Руна бедненько было в избе, особо ничего и нет, а что есть, простоватое да грубоватое, у кузнеца конечно всё солиднее, ухоженнее, красивее, разнообразнее, и полотенец-то вышитые, и стены-то выкрашенные, и двери-то резные, и площадки-то расписные. Крепкая семья, хорошо стоящая на ногах, всеми средствами созидающая себе уют и достаток. Рун как-то раньше не задумывался о своей бедности, живёшь как живётся, был бы хлеб на столе да тело в тепле, и что

ещё надо. Но тут почувствовал сильную неловкость перед Лалой, жалко стало, что ей приходится ютиться с ним в такой убогости. Одно его утешало – она счастлива, и хочет быть с ним. Даже сейчас, столь увлечённая процессом знакомства с деревенскими реалиями человеческого мира, она ни на секундочку не забывала о нём – и оглянётся, одарив улыбкой, и возьмётся за руку, а если долго на месте пребывает, слушая рассказы, опустится на ножки, опустит крылья полностью, чтоб не мешали, и прижмётся к нему хоть плечиком, с намёком «ну приобними же меня, милый». И он приобнимал. И счастлив был. Тияр и Алра слегка улыбались по-доброму, видя их тягу друг к другу. Бабушка Оша поглядывала неодобрительно. Остальные члены семьи кузнеца уже занялись своими делами: Найя с Буни убрали со стола, близнецы ушли куда-то, малышам наскучили разговоры взрослых, и они убежали играть, слышны были звуки, неумело но настойчиво извлекаемые из дудочки

– Ну, не будет теперь покоя в доме, – усмехнулся Тияр в ответ на очередное дудение.

– Простите, – с милой улыбкой повинулась Лала.

– Да ничего, всё веселее, – добродушно молвил Тияр. – А двор мой не хотите посмотреть?

– Конечно хочу! – радостно кивнула Лала.

Они впятером вышли из дома. Двор у Тияра тоже сильно отличался от двора Руна. Тут вам и стойло, и хлев, и курятник, и большой амбар, и сарай, где телега есть, сани, разный

полезный в хозяйстве инструмент. Живность сейчас в основном отсутствовала – корова с бычком на пастбище, овцы тоже, свинья бродит где-то за оградой, как и куры. Зато конь был в стойле, им Тияр с удовольствием похвалился, выведя его. Чёрный, с белым пятном на морде, расчёсанные грива и хвост. Красивый сильный жеребец. Увидев Лалу, сам тут же сделал поклон, отставив переднюю ногу. У хозяев и Руна от такого невиданного зрелища отвисли челюсти, а Лала обрадовано захлопала в ладошки, поблагодарила коня, погладила. Собака Тияра, привязанная, подошла к ним насколько могла, на максимум цепи, села и смотрела на Лалу призывно влюблёнными глазами, пока не получила свою порцию ласки. Курочек-наседок несколько было в курятнике на яйцах, Лала провела пальчиком по их головкам, они довольно закудахтали.

– Хорошо у вас, дядя Тияр, тётя Алра, бабушка Оша, – вздохнула Лала счастливо. – Но пора нам всё же. Спасибо за хлеб за соль, за гостеприимство ваше. За рассказы.

– Уже уходите? – расстроился Тияр.

– Есть дело неотложное, – с сожалением и участием к его печали проговорила Лала. – Надо идти. Простите, что чудес вам не являла.

– Вы сами и есть чудо чудесное, Лаланна! – с чувством сказал Тияр. – Вы хоть понимаете, сколько почёту принесли в наш дом?! Когда пришли к нам. Ко мне первому! Ни к знатным господам, ни к барону, ни к главе деревни. Ко мне!

Не ведаю, за что я заслужил такую честь. Но спасибо вам огромное! Сейчас соседи все сбегутся. Поверьте. И будем уж до вечера им рассказывать о вас. И будут все внимать, разинув рты, завидуя ужасно. А мы будем горды. Тем, что нам выпала удача вас привечать. Навек запомним этот день.

– Вы были другом дедушки Руна. Поэтому пришли к вам, дядя Тияр. Вы как бы не чужой для нас, – поведала Лала тепло.

– Спасибо за столь лестные слова, – растрогался Тияр. – Да, дедушка у Руна стоящий был человек. Надёжный. Мудрый. Справедливый. Знал много. Мир праху его.

Он сотворил святой знак поминовения и посмотрел на гостей:

– Сейчас открою вам ворота.

– Да не надо, дядя Тияр, через калитку выйдем, – попросил Рун.

– Всё делать надобно как должно, – возразил кузнец. – Гостям почётным открывать ворота надлежит. Тут нету беспокойства, Рун. Это в радость. Для нас. И в удовольствие.

Он отошёл к воротам, отпер, стал открывать створки. Его жена и мама стояли с лицами, полными лёгкой светлой печали, как у людей, только что переживших нечто бесконечно хорошее, приятное и вдохновляющее. Чудесное. С чем пришла пора расстаться.

– Удивил ты меня, Рун, – заметила Алра с уважительным одобрением. – Сильно. Ходишь всегда, ни на кого не смот-

ришь. А тут. Жених. Нормальный парень. Любящий, ласковый. Беседу поддержать способный. В компании. Не ожидала, что ты можешь... так преобразиться. Ты молодец.

– Я тот же самый, что и был, – ответил Рун спокойно. – Во мне ничто не поменялось. К чему смотреть на тех, кто мне не рад. Лала мне рада всегда. Вот в этом разница.

Алра покачала головой, весело глядя на него.

– Ты заходи к нам, если что, Рун, – молвила она чуть с юмором. – Мы тебе рады будем. И вы, Лаланна, заходите, как захотите, по-соседски.

– Коль жить останемся в деревне, конечно будем заходить, – простосердечно пообещала Лала. – И вы к нам, надеюсь, тоже. Просто мы оба ещё не знаем, чего от дней грядущих ожидать. Как наша жизнь устроится.

Алра понимающе кивнула. Найя, заметив в окно возню отца с воротами, вышла из дома, молча подошла, встала подле матери с бабушкой. Тияр наконец распахнул обе створки настежь, присоединившись к женщинам.

– До свидания, милые хозяева, – душевно произнесла Лала, сияя счастьем.

– Приходите ещё, дорогие гости, всегда ждём, – радушно улыбнулся Тияр.

Рун поклонился в пояс, Лала сделала свой обычный милый изящный воздушный реверанс, хозяева отвесили глубокий поклон тоже. Рун взял Лалу за руку, и они покинули гостеприимные владенья кузнеца. Лала была очень довольная.

Глазки светились радостью, улыбка не сходила с уст. От этого и Руну было очень хорошо на душе. А ещё ему было хорошо от того, что визит наконец закончен. Словно на свободу вырвался. Из клетки.

– Ох, – выдохнул он, – столько разговоров. Даже голова как будто распухла слегка. Я как-то привык к тишине боле. Ты как, Лала? Не устала?

– Нет, – счастливо поведала она.

– Домой пойдём или в храм? Ты вроде собиралась туда.

– Рун, у нас есть дело, – напомнила Лала. – Важное.

– Правда? И какое же?

– Ну как какое? – удивлённо спросила Лала с некоторым укором. – Гусеничек надо отнести, Рун. Им же жарко в кадушечке. И кушать хочется.

– Ах, да, – спохватился он. – Прости.

– Рун, – Лала вдруг посмотрела на него пристально с шутовой улыбкой.

– Да, милая?

– А что это на тебя девица всё поглядывала?

– Какая девица? – не понял Рун.

– Ну какая-какая, там вроде одна только была. Кроме меня.

– Найя что ли?

– Найя, Найя, – усмехнулась Лала.

– Чего ей на меня заглядывать. Все смотрели только на тебя.

– Нет, Рун. Я же не слепая. Сначала да, на меня. А потом всё больше на тебя. Так и поглядывает, так и поглядывает. Между вами что-то было?

Рун от души рассмеялся:

– Ох и фантазёрка ты, Лала! Нравилась она мне когда-то. Вот и всё.

– И сейчас нравится?

– Сейчас нет. Давно уже. Ты хоть понимаешь, кто это? Это лучшая подружка старшей дочери главы деревенского, сестры самого главного моего недруга. Они гадости про меня говорили разные. Быстро разочаровываешься в том, кто подлое тебе делает.

– Она подлая? – поразилась Лала. – Вроде хорошая девушка. Феи в общем-то чувствуют сердца людей, Рун. Хотя и не всегда.

– Да у нас все хорошие. Почти. Только вот ко мне почему-то плохо относятся, – посетовал Рун с улыбкой. – Это просто неприязнь как бы. Знаешь, Лала, я подозреваю, она догадывалась, что нравится мне. В те времена думал, нет, а теперь... иного мнения. Когда все стали меня не любить, быть может она так пыталась доказать подругам, что я ей не по душе. Тоже говоря обо мне дурное. Чтобы над ней не стали подтрунивать ненароком. Ну там, «невеста слабоумного» и тому подобное. Но мне как-то всё равно, какие у неё были причины. Подлость есть подлость.

– Милый, может ты слишком сурово судишь? – мягко за-

метила Лала. – Если это произошло давно, вы же детьми были ещё. Она девочка была совсем. Что ты от неё хочешь?

– Лала, это же не шутки, – покачал головой Рун. – У меня жизнь отняли практически. В деревне просто стало невозможно находиться. Никаких надежд на будущее. Я, когда тебя поймал, я же пошёл в лес зелье испытать, с мыслью, испытаю, и отправлюсь навсегда в дальние края искать лучшей доли. Но в дальних краях сгинуть гораздо легче, чем счастье найти. Мой дедушка так говорил. Все они, все деревенские, каждый по чуть-чуть, приложили руку, чтобы помочь мне сгинуть. И она. И она поболее многих других. Давно уж мне не нравится. Даже не понимаю сейчас, чего я в ней находил.

– Она миленькая, – сочувственно промолвила Лала, чуть улыбнувшись.

– Ну... наверное, – признал Рун. – Я думаю, Лала, ей любопытно могло быть. Мы же за последние несколько лет и словом с ней не обмолвились. Ни одним. Повзрослели оба. Вот и поглядывала. Чтобы понять, каким я стал. Но мне всё-таки кажется, она, как и все, на тебя смотрела в основном.

За оградой неподалёку показалась чья-то любопытная физиономия, и Рун предпочёл замолчать. Вскоре они добрались до избы. Стражники стояли чуть в стороне, фактически за воротами деревни. Увидев Лалу, застыли на месте, плясь с довольными лицами на неё, на её крылышки, на её ножки. Вот уж кто получал истинное удовольствие от своей нынешней работы. Рун отпер калитку.

– Входи... влетай, моя красавица.

– Ах, какой галантный у меня кавалер сегодня, – порадовалась Лала.

– И у Тияра, заметь, ел исключительно ложкой, – похвастался Рун. – Я страх какой воспитанный теперь.

Лала весело рассмеялась. А потом посмотрела на него загадочно:

– Мой зайка, давай в дом зайдём. Передохнуть. На пять минуток.

– Давай, – пожал плечами Рун.

Передняя дверь была не на засове, они вошли, и лишь Рун затворил её, Лала приблизилась к нему совсем вплотную. Стояла и буравила его глазками иронично и ласково в полутьме сеней. Рун прижал её к себе. Она вздохнула счастливо:

– Только и мечтала об этом, пока мы были у дяденьки Тияра.

– Попросилась бы там, – усмехнулся Рун. – Тебя вроде не смущает прилюдно обниматься.

– Тебя смущает, – буркнула она. – Ты понежнее, когда мы одни. Ну и в гостях, забыв про всё на свете, в друг друга раствориться... было бы наверное невежливо. Если надолго. Сейчас хочется подольше. Хоть несколько минуток. Со-скупилась.

– Ты меня, Лала, удивила сегодня, – признался Рун добродушно.

– И чем же, милый?

– Так складно сочинила. Ну, про то, как случайно выполнила моё желание. И так правдиво говорила. Не догадаешься, что всё обман.

– Ты меня рассмешил. Когда про драконов начал сочинять. Стало радостно, оно само и придумалось. Немножечко это нехорошо Рун. Неправду говорить тем, кто тебя встречает столь радушно. Но мы не из зла это делали. Если они когда-нибудь узнают, что мы обманывали, то может и обидятся к сожалению. Но если узнают, почему мы обманывали, не обидятся ни за что. Они хорошие люди. Когда я домой ворочусь, ты им Расскажи, Рун, правду. И попроси прощенья от меня.

– Ладно, – пообещал Рун.

Лала положила голову ему на грудь.

– Знаешь, Рун, – произнесла она умиротворённо, – это очень важно. То, что мы сегодня сделали. Ходить в гости. Теперь в доме дяди Тияра к тебе лучше будут относиться. Ты не будешь совсем один. Когда я уйду. Ты только береги это. Связь с людьми. Не отворачивайся от них сам. Хорошо?

– Ко мне сейчас лучше относятся лишь из-за тебя, – промолвил Рун. – Уйдёшь, наверняка всё сразу вернётся к тому, что было.

– Не обязательно, Рун, – мягко сказала Лала. – От тебя тоже многое зависит. Ты сегодня стал чуточку роднее и понятнее семье дяди Тияра. Как и они для тебя. Не забыть этого ни им ни тебе. Это в вас останется. И во мне. Они точно

будут к тебе лучше относиться теперь.

– Может и так, – вздохнул Рун. – Может у меня всё и наладится. Посмотрим. Так ты из-за меня пошла к Тияру?

– Нет, Рун. Хотелось посмотреть, как у вас живут. Просто я вдруг сейчас поняла. Как это важно для тебя. Мне было очень интересно у дяди Тияра. У вас, Рун, всё-всё-всё другое, чем у нас. И дома, и мебель, и посуда, и одежда, и двери, всё-всё. Даже лошадки другие и курочки. У нас курочки поменьше и иной окраски. Кудахчут, правда, так же. Я и не мечтала, что когда-нибудь посмотрю ваш мир. Смогу в столь далёких от дома краях побывать. Это больше приключение. Удивительное.

– Нам надо как-то начинать решать твою проблему с проклятьем, – заметил Рун.

– Надо, – согласилась Лала счастливо. – Может завтра у барона спрошу помощи и совета. Или пока не буду. Сходим к магу вашему для начала. Вдруг он умел в развеивании злых чар. Представь, придём к нему и... всё. И я домой отправлюсь.

– Ты сразу же отправишься? Немедля?

– Не знаю, Рун. Наверно всё же нет. Недельку хоть побыть, чтобы всё узнать у вас. Раз уж попала в мир ваш, надо ль торопиться назад? Не будет боле шанса. Ну и тобой насытиться охота хоть сколько-то, – разулыбалась она. – Пока что не выходит. Не оторваться. Развеется проклятье, ты влюбишься. Уж за неделю точно. Ещё и могущество обрету. Как было

б славно.

– Жестокосердная! Влюбить и бросить. Вот так фея! – с деланным мрачным осуждением подивился Рун.

– Совсем я не жестокосердна! – добродушно возразила Лала. – Не изменить своей судьбы, Рун. Я буду очень тосковать по тебе, когда вернусь. Может даже плакать иногда, чтобы ты знал. Ты теперь навсегда в моём сердечке. Ты мой лучший друг.

– А можно быть не лучшим, но возлюбленным? – поинтересовался Рун невинно.

– Ну, ты вообще-то мой жених понарошку, – весело напомнила Лала. – Это примерно то и есть.

– Пожалуй так, – признал он.

Лала вздохнула глубоко. И нехотя отстранилась:

– Пойдём, Рун, за гусеничками. Нужно их отнести всё же.

В кадушке было столпотворенье. Только маленьких зелёных гусениц не счесть, но кроме них ещё и большие разного калибра и расцветок, и даже чёрненькие жуки с хоботками, тоже в изрядном количестве. Трава, которую Рун клал перед уходом к кузнецу, была почти вся съедена.

– Ох, сколько же вас много! – подивилась Лала. – Потерпите, букашечки мои дорогие, сейчас мы вас отнесём.

Рун взял кадушку в руки, заглянул в неё.

– Ничего себе! – сказал он ошалело. – Вот это «помощни-

ков» у нас. Как ещё вырастает что-то. Это всё с нашего огорода? Или со всех в деревне?

– С вашего, зайныка мой, – улыбнулась Лала.

– Да уж! – покачал он головой, и посмотрел на Лалу впросительно, – Куда понесём? Тут лес-то вот он, рядом. Ближе всего туда.

– Нет, Рун, им нужна травка сочная, надо на лужок, – попросила Лала.

– Пойдём к реке, – предложил он. – Там луг неплохой. И скотины нет, не затопчут.

– Правда? Как замечательно! – обрадовалась Лала. – Тебе букашечки благодарны будут, Рун. За заботу такую. То же ведь живые, тоже жить хотят, радуются каждому денёчку, проведённому на свете. Они помнят добро.

– Кусать реже будут? – с интересом осведомился Рун.

– Рун, они итак не кусают без дела. Только если обидишь, придавишь.

– Комары, видать, очень обижены на людей, – философски подумал вслух Рун.

Лала разулыбалась.

– Если хочешь, любимый, я могу попробовать с комариками договор заключить. Чтоб тебя не трогали. Только сложно это. Может и не выйти. Любят они... добрых людей. На завтрак, обед и ужин. Если решишь, что это крайняя необходимость, я попробую.

Рун вздохнул.

– Э-эх, искушительница ты, невеста моя милая. Заманчиво. Страх как. Теперь буду себя дураком ощущать, что отказываюсь. Но нельзя. Крайней нужды в том нет. Бесчестье будет согласиться. Могла бы ради суженого и на подвиг пойти. Без спросу договор заключить. Подумаешь, ещё одна жертва. Зато я бы некусанный ходил.

– Я же не рыцарь тебе, и не воин ратный, чтобы подвиги совершать, – рассмеялась Лала.

– Вот и вся любовь, – с притворной грустью вымолвил Рун.

Он прижал кадушку к себе одной рукой, другой взял Лалу за ручку. Лала одарила его ласковым взглядом.

– Честь блюсти, это не глупо, Рун. Моему сердечку приятно, что ты у меня такой, – произнесла она очень тепло.

– Значит если б согласился, разочаровал бы? – заинтересованно полюбопытствовал Рун.

Лала озадаченно призадумалась.

– Нет наверное, – несколько неуверенно поведала она. – Я бы пожалуй убедила себя, что это крайняя необходимость. Всё же укусы неприятны. Я думаю. Фей не кусает никто, Рун. Я могу лишь догадываться, насколько это больно. Мне же жалко тебя, суженый мой. Но мне очень нравится это в тебе. То, что ты честный. Я всё время искушаю тебя помаленьку чудесами, а ты не сдаёшься. Это мило.

– Да я сдавался уж не раз, – с сожалением признал Рун.

– Ты разрешал мне колдовать, когда мне это нужно было

или хотелось очень. Не ради себя, не из корысти, ради меня. Здесь нет ущерба твоей чести, любовь моя, – заверила его Лала искренне.

– Ну, поверю тебе на слово, – усмехнулся Рун.

Они дошли до калитки, вышли за ограду. Улица всё так же оставалась безлюдной. День в разгаре, у взрослых работа, детвора бегают, кто на речке, кто по холмам у полей ягоды собирает и травки съедобные, кто помогает в огородах или по дому. Стражники только и были поодаль, теперь уж с другой стороны от избы, вглубь улицы, да мужик один с большой корзиной на дороге за деревней виднелся.

– Это надо же, – не удержался от замечания Рун. – Погляди, вообще никого. Я, честно говоря, опасался, городские всё равно торчать станут тут. На удалении. Чтобы тебя хотя бы издали видеть. Не все ж видели. А ни души. Даже господ. Боятся барона прогневать. Повезло нам, Лала, что он тебя под защиту взял.

– Строгий он у вас? Барон ваш? – поинтересовалась Лала. Рун пожал плечами:

– Да вроде не очень. Если его не гневаешь.

Они направились по дороге из деревни. Дом Руна на самом краю её, последний. Чуть пройдёшь, буквально шагов пятьдесят, и вот уже отворот влево вниз к реке, а прямо путь к сторожке лесорубов, где они стволы превращают в брёвна да доски, а дальше прилесок. Если не спускаться к реке до конца, идя вдоль неё по обрывистому склону, тут деревьев

нет совсем, вырублены все ещё в незапамятные времена, будут лужки, скот на них не пасут, упасть может с обрыва, да и лес рядом, волки порой близко подходят; когда трава слишком высокая, скашивают её, и всё, выходит почти как газон в садах знати, низкая травка, полевые цветочки, ягодки тоже часто попадаются. Вот туда Рун и понёс гусениц. Перед самым поворотом к реке они поравнялись с мужиком, нёсшим корзину. Это был дядька Мито, здешний известный балагур, большой любитель шуток и розыгрышей.

– Доброго денёчка вам, госпожа фея, Рун, – остановившись, сказал Мито, расплывшись в умилённой улыбке во весь рот. Его корзина доверху была наполнена опилками.

– И вам доброго, дяденька, – радушно ответствовала Лала, лучась счастьем. Рун ограничился кивком.

– Куда путь держите? – спросил Мито, сверля любопытным взглядом кадушку.

– Да никуда, – спокойно молвил Рун. – Вдоль речки прогуляемся просто.

– Ясно, – произнёс Мито. – А кадушка зачем? Грибы собирать?

Вряд ли Лале был понятен тонкий деревенский юмор. Откуда ей знать, что ходить по грибы с кадушкой – дикость, которая никому из сельских жителей никогда не придёт в голову. Но по оттенкам скрытой иронии в голосе Мито она почувствовала, что он шутит. И одарила его весёлым сиянием своих дивных глаз.

– Букашечек несём на лужок, – радостно поведала она.

– А! – понимающе кивнул Мито с таким видом, словно носить букашек в кадушках – обычная деревенская рутина. – Доброе дело.

Лишь по выражению лица было заметно, что он несколько озадачен.

– До свидания, дяденька, – тепло улыбнулась Лала. И они с Руном продолжили путь.

Дядька Мито ещё долго стоял, отдыхая от своей ноши, глядя им вслед.

– Здоров, Мито, – подошёл к нему шедший к реке лодочник Шим, бородатый косматый мужичок в худой одежонке. – Куда это фея отправилась?

– Здоров, – откликнулся Мито. – Золото они пошли искать.

У Шима так и отвисла челюсть.

– Золото?! – оторопело переспросил он.

– Золото, золото.

– Это клад мельника что ли?

– Ага. Его самый, – не моргнув глазом, подтвердил Мито.

– Надо же! – завистливо подивился Шим. – Фея-то поди точно найдёт. А почему с кадушкой?

– Вот ты недогадливый, – покачал головой неодобрительно дядька Мито. – Как, думаешь, они будут его искать? Фея заколдует кадушку, катнёт, та покатится, и прямо до клада их и доведёт.

– Ах вон оно что! – изумлённо проговорил Шим.

– Да. А если деньги сильно в земле испачкались, тут их и помогут в кадучке же. Двойное удобство. Ну и нести можно заодно. Тройное даже. И никто не подумает, что там клад.

– Ну да, – согласился Шим.

Он тяжело вздохнул.

– Дуракам везёт, – умело изобразив досаду, произнёс Мито. – Только нашему везёт что-то уж с перебором. Мало того, что девка собой хороша, как ангелица. Так ещё и фея. А теперь и золото. Эх, не был бы я занят, сходил бы на мельницу, не поленился, шепнул бы там. Всё же это их деньги. Если потребуют, фея вернёт поди, существо душевное, совестливое. Может вечером и схожу. Глядишь, в благодарность и мне что-то дадут, хоть серебра немного, хоть муки задарма. Может вина бочонок. Кто знает.

Глаза у Шима блеснули жадностью.

– Пойду я, тоже дел много сегодня, – заторопился он вдруг.

– Бывай, – кивнул Мито.

Шим пошёл прочь, а Мито стоял, глядя ему вслед, и довольно улыбался.

Тем временем Рун с Лалой достигли обрывистого склона перед спуском к реке. Место красивое, Лале было интересно, поэтому они остановились оглядеться. Внизу купались ребята, несколько мальчишек рыбачили на удочки, две ба-

бы полоскали бельё на деревянном отмошке. По левую сторону чуть вдали крутила большим колесом водная мельница. Широкая река несла свои голубые воды, за ней, постепенно поднимаясь высоким холмом, лежал противоположный берег, открывая пространство на много вёрст во все стороны, там тоже виднелась деревенька, с обширными полями, а далее всё леса, леса, леса. Бесконечным зелёным покрывалом. Синее небо отражалось в воде вместе с облаками, дул приятный лёгкий ветерок, принося запах речной свежести, к щебету птичек да звукам деревенской жизни добавлялся шум течения.

– Как красиво! – восхищённо выдохнула Лала.

– Ага, – с нотками особых душевных чувств в голосе молвил Рун. – Вот, Лала, мои родные края. Правда родился я не здесь. Но вырос в этой деревне. Её родиной считаю. Часто и купался как раз тут, там же, где малышня, вон, плещется, и рыбачил. Искал камушки цветные неподалёку на отмели.

– Любишь эти места? – спросила Лала тепло.

– Да, конечно, – искренне ответил он.

– Какая у вас мельничка интересная, – произнесла Лала радостно. – Я таких ещё не видала, Рун. У нас они ветряные. Огромные. Или магические, магией вращают жернова, тогда не очень велики.

– Это только у нас такая, больше нигде в округе водных нет, – похвалился Рун. – В основном ветряные строят. А в соседней деревне, например, волами крутят колесо.

– Волами? – подивилась Лала. – Такого я тоже не видала.

– Там на холме деревня, – поведал Рун. – Ветра сильные бывают порой, могут порушить ветряную мельницу. А у нас тут низина как бы, и леса вокруг, ветров наоборот, маловато, тихо обычно. Водная самый раз. Зимой иногда подмерзает правда. Но у нас долгие морозы редкость. Да и к зиме всё уже перемолото.

Люди внизу заметили Лалу, она приветливо помахала им рукой.

– Пойдём подальше, – сказал Рун. – А тот тут ребятня бегаёт часто, затопчут твоих букашек.

– Это наши букашечки. Общие. Почти как детки, такие же невинные и беззащитные, – улыбнулась Лала.

– Ну вот, ещё не женаты, а уж целая кадушка деток, – посоветовал Рун.

Лала рассмеялась весело и звонко. С её личика не сходило сияние счастья. Рун повёл её дальше, вдоль обрыва по лужкам. Приятно было просто идти с ней, осторожно сжимая её пальчики в своей руке. И волнительно отчего-то очень. И на сердце прям тепло-тепло, там тоже царило лето, как и повсюду вокруг. Так они, не торопясь, преодолели с четверть версты.

– Давай здесь, – предложил Рун.

– Давай, – кивнула Лала.

– Вытряхнуть их что ли?

– Да ты что!?! – с мягким укором посмотрела Лала на

него. – Просто положи кадушечку на бок, Рун, они и выполнят. Дай мне её. Я сама.

– Долго ждать придётся, – пожал он плечами, передавая ей кадушку.

– Ну и пусть, – добродушно заметила Лала. – Полюбуюсь пока на края ваши. А ты на меня, если хочешь.

– Да только и люблюсь, – усмехнулся он.

Лала поднесла кадушку к лицу.

– Всё, букашечки мои дорогие, мы пришли, – проговорила она ласково. – Выползайте, пожалуйста, да разбегайтесь. Здесь вам будет хорошо.

Она положила кадушку на травку. Потом подошла вплотную к Руну и стала буравить его глазками загадочно.

– Уже опять соскучилась? – весело спросил он.

– Да, – с нежностью подтвердила она.

– Лала, тут из деревни-то видно, – промолвил он виновато.

– Ну и что, Рун, – с улыбкой произнесла Лала. – Невесту можно обнимать и на виду. И вон два кустика скрывают всё, раз уж ты так боишься. Поди не увидят.

– Ну может и не увидят, – признал он тихо. – Особенно если сядем.

– Давай сядем, если хочешь, милый, – согласилась Лала.

Рун опустился на траву, устроился поудобней, Лала уселась рядом, прислонившись к нему спиной. Стала глядеть на реку да на другой берег. Рун приобнял её.

– Прямо свидание у нас, – порадовалась она счастливо. – Красивое место, мы только вдвоём. Хорошо. День такой замечательный! Ходили в гости, спасаем букашечек. Обнищемся. Немножко ссорились с утра. Но зато и помирились. Я столько всего удивительного повидала и откушала сегодня. У дяденьки Тияра. У меня внутри аж гудит от счастья. Вот здесь.

Она прижала ручки к груди.

– Ох, Рун, – сказала она вдруг взволнованно. – А ведь это душа. Гудит. Это она поёт так. Я до сих пор думала душа... это что-то... чего не увидишь, и не почувствуешь, эфемерное совсем, но вот же она. Я чувствую. Гудит-гудит, радуется. Тому, что счастлива, тому, что ты рядом и ласковый, что я дорога тебе. Ворочается чуточку от избытка счастья, от переполняющих тёплых чувств, щемит немного. Надо же. Я только что научилась чувствовать душу. Благодаря тебе, Рун. Я кажется и раньше такое чувствовала. Но как-то не обращала внимания, не замечала, не осознавала. Не задумывалась, что это. А это душа, Рун. Прямо вот она, здесь. Поёт-поёт, не смолкает. Забавная и милая. Как будто своей жизнью собственной живёт. И меня согревает. Ты чувствуешь свою душу, Рун? Она прямо в груди. Ровно посередине.

– Нет, ничего такого не чувствую, – признался Рун. – У меня, когда ты рядом, словно свет зажигается в сердце. Кажется, будто сияет ярко. Слева в груди. Не по центру. Но оно... мне представляется более, я его не ощущаю, этот свет,

я его словно вижу. В уме. И сейчас он есть.

– Это, Рун, у тебя так счастье представляется. Душа, она не видится, она чувствуется. Ты, Рун, если когда-нибудь заметишь, что у тебя в груди чувства отчётливые. Щемит, или ноет, или гудит, наполняя сердце теплом, или радостью, или тоской, или ещё чем-либо. Ты знай, что это душа твоя. Переполнена чем-то, и оттого становится заметна. Так научишься тоже её ощущать. Чувствовать душу – это удивительно.

– Ладно, я буду обращать внимание, солнышко моё, – улыбнувшись, пообещал Рун.

Какое-то время они сидели молча, наслаждаясь летним днём, приятными видами, друг другом. Вдали неспешно плыла лодочка, стрижи носились над водой, кружили чайки, стрекотал кузнечик – букашек славный менестрель – где-то поблизости укрывшись, под его пение изящно порхала в танце белая бабочка. Цвели нехитрые луговые травы да цветочки, наполняя окружающее пространство своими душистыми ароматами.

– Лала, а ты могла бы так жить? – спросил Рун тихо. – В нашей деревне. Всегда. Со мной.

– Мне здесь не место, Рун, – мягко промолвила Лала. – У вас, я знаю, много зла. Пока его я не видала, мне хорошо. Увижу, выдюжу ли? Вряд ли. И потом от меня пользы тут никакой. Почти. Просто... феи магией приносят пользу. Нам нравится быть полезными, это придаёт смысл существованию. А тут... жених суровый мне запрещает колдовать, да и

разреши, много ль я наколдую? Я у вас лишь от тебя могу пополнять магию. Ты меня не сможешь постоянно обнимать днём, а ночью нам нельзя. Если бы не проклятье, Рун, я бы уже могущественной стала, ты бы меня полюбил, тогда бы обнял на минутку, и всё, и полная. Не надо было б столько обниматься. Но если бы я обрела могущество, домой смогла бы воротиться. И воротилась бы. Прости. Я замуж хочу, хочу семью, деток. Скучаю по дому, по маме с папой, по сестричкам. По своей привычной жизни. Хочу жить как обычная фея. А не как диковинный зверь в цирке, на которого все показывают пальчиком.

– Значит, не смогла бы, – вздохнул Рун.

– Ну почему же, милый, – улыбнулась она. – С тобой смогла бы. Знаешь какая от меня польза здесь у вас?

– Какая же?

– То, что я с тобой, Рун. Я полезна тебе. Твоя душа замёрзла от одиночества, я её отогреваю. Может, поэтому я послана сюда. Чтоб тебя согреть.

– Фантазёрка ты, Лала, – развеселился Рун. – Так уж боги обо мне заботятся по-твоему. Что аж послали мне тебя. Столько трагедий вокруг. Люди страдают от голода, от лишения, от жестокости. А тут смотри-ка ты, от одиночества меня спасти решило небо. При том, что я особо-то и не горевал от него. Да и у меня бабуля есть вообще-то. И дед был. Не сирота поди. Ты здесь по двум причинам. Первая – потому что я тебя поймал. Вторая – потому что тебя кто-то проклинал

и не даёт вернуться. Вот и всё.

– Рун, небо выбирает непредсказуемым образом, кого одарить, – ответствовала Лала. – Чем руководствуются боги в принятии решений, нам не постичь. Но всё творится волею небес.

– Зачем же зло тогда творится?

– Не знаю, мой котёнок.

– Ирония судьбы в том, Лала, что когда ты уйдёшь, я буду горевать. От одиночества. Которое доселе особо не тревожило меня. Хорошенький подарок от богов.

– Уж так он плох? Бедняжка, фею встретил, – рассмеялась Лала. – Значит, это твоё наказание, Рун. Прогневал чем-то небо. Он тебе меня послало. Чтоб покарать жестоко. Страдать заставить от объятий нежных.

– Странанья закаляют волю, – невинно проронил Рун.

– Ну, закаляйся, зайка, мне не жалко, – сказала Лала ласково.

Рано или поздно, но настала им пора возвращаться. Рун взял кадушку, в которой никого уж не было, взял Лалу за руку, и они направились к деревне.

– Ну что, пойдём сразу в храм? Или отдохнуть хочешь? – спросил он.

– В храм, – промолвила Лала с улыбкой.

– А потом предлагаю по деревне пройти. Я всю её тебе покажу. Сможешь тогда сама ходить... летать. Когда хочешь

куда хочешь.

– Хорошо, милый, – согласилась она.

Лала была счастливая-счастливая. Лишь они пошли, стала напевать что-то негромко. Какую-то незатейливую мелодию. Рун слушал её нежный голосок, и ему казалось, нет в мире звуков удивительней и чудесней, чтоб так ласкали слух и душу. В её пении не было слов. Просто какие-то «ла-лала-лала», но это было столь мило... Словно само счастье изливалось из её уст, добавляясь к сиянию личика. Ну где тут не забыть, не заслушаться, любясь на это всё. Не сразу обратил он внимание на суету около их дома. Но чем ближе тот становился, тем сложнее было её не замечать. На край деревни заявила вся семья мельника. Семейство у него небольшое, жена после третьего ребёнка не смогла боле рожать, а старшая дочь уже замуж вышла, её тут не было, зато все остальные присутствовали – сам мельник, супруга его, младшая дочка и сын. Все стояли на коленях, стражники силой рук и слова пытались их прогнать, но безуспешно, дочка и жена мельника плакали, сынок бил поклоны, сам мельник причитал и молил. Чуть в стороне народ деревенский, человек с десять взрослых и детей, дивились на это действо. Завидев Руна и Лалу, стражники сочли за лучшее взять паузу в перепалке, просто стояли и ожидали, пока они подойдут, с молчаливым спокойствием взирая на продолжающийся под ногами «концерт».

– Рун, что происходит? – шепнула Лала чуть испугано.

– Не знаю, – покачал он головой. – Непонятное что-то.

Семейство мельника столь увлечено было мольбами, что и не замечало их приближения. Лишь когда Рун с Лалой оказались совсем рядом, мельникова дочка, уловив переключение внимания публики на фею, обернулась, крикнула отцу, и вся семейка кинулась в ноги уже им.

– Парень, не губи! Пожалей деток моих! Госпожа фея. Смилуйтесь! – очумело возопил мельник.

Его родня ему затворила с причитаниями.

– Рун, – произнёс более старший из стражников оправдывающимся тоном. – Нам было велено фею охранять от назойливости, не тебя. Этот тип хитрый жук, сообразил, говорит, к тебе дело, не к фее. Скажешь гнать, мы его погоним. Просто без пинков кажется не выйдет.

– Что происходит-то? – с недоумением поинтересовался Рун. – Дяденька Луан, чего вам надо-то?

– Деньги! Деньги мои! – отозвался мельник, чуть не плача. – Не губи, отдай хоть три четверти. Хоть две трети. Хоть половину. Потом и кровью зарабатывались. Много лет.

– Какие ещё деньги? – посмотрел на него Рун, как на помешанного.

– Отца моего покойного, вот какие, – упавшим голосом молвил мельник.

История про старого мельника каждому известна в округе. Многие пытались искать его клад тайком. Но вроде бы никто не отыскал – не было слухов, как кто-то из местных

вдруг разбогател.

– А, – кивнул Рун, наконец сообразив. – А почему вы думаете, что я их нашёл?

– Все это знают, – ответил мельник. – Вы пошли с кадушкой деньги наши искать. Фея колдовством их нашла. Заколдовала кадушку, та покатилась, и прямо к деньгам вас привела.

– Безумие какое-то, – вздохнул Рун. – Пошутил над вами кто-то, дядя Луан. Не искали мы ваш клад. И не нашли. Вот, пустая кадушка, посмотрите. Кто ж с кадушками за кладом ходит. Встаньте уже. И вы все поднимайтесь. Тётя Зьяна. Вы чего?

– У фей всё иначе, чем у нас, – грустно заметил мельник, заглянув в кадушку, которую Рун опустил перед ним. Вставать он кажется не собирался. – А деньги вы перепрятать могли, поэтому их здесь и нет.

– Рун, скажи мне, что тут такое? – попросила Лала осторожно.

– Старый мельник боялся воров. Сильно. Закопал все свои сбережения где-то. А потом возьми да и помри. В тот же день. Не успел показать своим, куда зарыл. Думают, что мы с тобой искать этот клад ходили да присвоили, – объяснил Рун.

– Ой! – поразилась Лала. – Феи не берут чужого, дяденька. Поднимайтесь пожалуйста все. У нас нет ваших денежек.

– Ну, слышали! – рывкнул молодой стражник. – Живо под-

нимайтесь и проваливайте! Если вы не верите фее, значит вы её оскорбляете, лгуньей и воровкой называете. За это вам ох как не поздоровится.

Мельник торопливо поднялся. Его семья вслед за ним.

– Нет, нет, мы так не считаем, – печально проговорил он.

В его глазах были тоска, уныние и растерянность.

– Вот что, дяденька, – сказала Лала по-доброму. – Я подумаю, как вам помочь. Я не умею искать клады. Поэтому не знаю, получится ли. Вы ждите три дня. Если придумаю, как сыскать, значит найдём и вам принесём, или может сообщим, где спрятан. Ежели в течение трёх дней не придумаю, то уже и не выйдет, вы не обижайтесь пожалуйста на меня, я не всё могу.

– Спасибо, добрая госпожа! – растроганно воскликнул мельник и снова брякнулся на колени в ноги Лале, а его семейство вслед за ним.

– Спасибо, спасибо, – стали кланяться они, касаясь лбами земли.

– Ну не надо! Феям не кланяются в ножки, – принялась уговаривать их Лала. – Встаньте пожалуйста.

– Поднимайтесь, когда фея велит, хватит ей докучать, – грозно прикрикнул молодой стражник.

Мельник и компания тут же дружно подчинились. Лица у них были довольные.

– Я ведь может и не смогу помочь, а вы заранее благодарите, – произнесла Лала виновато. – Не выйдет, обижаться

будете.

– Да что вы! Ни за что! – горячо заверил мельник. – Пытаться помочь, это тоже помощь, даже если не выйдет. Поэтому спасибо, добрая госпожа. От всего сердца!

– Спасибо, спасибо, госпожа, – эхом подхватили за ним его домочадцы.

Старший из стражников из-за спины Лалы, так чтобы она не видела, молча сделал им доходчивый знак рукой, мол, уматывайте уже пошустрее. Семейство мельника с поклонами попрощалось, и радостное взволнованное отправилось восвояси. Лала с тёплой улыбкой глядела им вслед. Стражник в задумчивости посмотрел на Руна.

– Парень.

– Что? – отозвался Рун.

– К тебе часто ходят семьями с визитом?

– Никогда. К бабуле подружки её бывает заходят, и всё.

– Тогда мы пожалуй будем гнать и тех, кто к тебе в гости явился. Всё равно они в действительности к фее прорываются.

– А вдруг что-то важное. Беда какая, и я могу помочь. Не надо всех гнать, пожалуйста, – попросила Лала.

– Простите, госпожа, у нас есть приказ барона. И он правильный, – почтительно возразил стражник. – Только дай слабину, и вас разорвут жаждающие чудес. Я бы тоже пришёл спрашивать чуда, чем я хуже прочих. Не защитим вас от назойливых посетителей, нас накажут. Строго. Так что я о себе

всё-таки буду думать. Оберегая вас. Порют у нас жестоко. И место потерять не хочется, семью-то кормить чем тогда?

Лала расстроено посмотрела на него, не зная, как быть.

– А вы расспрашивайте, зачем приходят, да нам сообщайте, если важное что. Можете вы так делать? – предложил Рун.

– Ой, правда! – обрадовалась Лала. – Я не всё могу, но кое-что могу. Например, если в лесу детки, не дай бог, заплутают, я точно могу помочь их найти. Если тонет кто-то, тоже, сумею магией поддержать, чтобы выплыл. Я такие вещи могу. Грех не помогать в беде. Особенно когда лишь ты способна помочь. Можете вы сообщать нам, если важное что-то?

– Ладно, так и сделаем, – согласился стражник. – Будем докладывать вам обо всех важных и безотлагательных делах.

– Как славно! – радулыбалась Лала. – Спасибо, мои добрые воины.

– Рады служить вам, госпожа, – польщённо молвил стражник, не в силах сдержать ответной улыбки. Его молодой коллега тоже засиял довольным лицом.

Рун перекинул кадушку через ограду.

– Ну что, идём в храм? – обернулся он к Лале.

– Идём, мой зайнык, – нежно сказала она.

Молодой стражник смерил Руна завистливым взглядом. Рун взял Лалу за руку, и они продолжили путь. Народишко, следивший за мельником, ещё не разошёлся, люди кланялись Лале, она улыбалась им, кивала приветственно, здоровалась, пробуждая блеск восхищённого умиления в глазах.

Кивал им из вежливости и Рун, хотя и понимал, что его сейчас никто не видит. Лала затмевала собой всё. Миновав эту группку односельчан, Рун тотчас свернул в первый же проулок. Можно было идти и по прямой, но ему хотелось поскорее укрыться от оставшихся позади многочисленных любопытствующих взоров.

– Лала, а как ты будешь мельнику помогать? Трудно это? – тихо поинтересовался он.

– Рун, я пока не знаю. Непросто, – поведала Лала. – Домой вернёмся, подумаю. Знаешь, моя средняя сестричка, Диэя, была растеряшенька годика в три, игрушки теряла часто, положит, и не помнит где. Я сама была кроха тогда, но помогала ей, она расстроится, я помогу, она и радуется, и мне хорошо на душе. У меня большой опыт поиска. Только игрушек, не злата, Рун. Это разное. К тому же игрушки известно где, во двор... е, где-то поблизости, и не закопаны. Клад совсем иное. Да и давно не искала уже ничего. Но мне хочется помочь. Очень. Хорошее же дело. Так уж они горевали, переживали. Жалко их.

– Ну конечно, много лет работали, и все их труды... в землю зарыты. Есть от чего горевать, – заметил Рун. – Руки наверное опускаются, когда такое происходит.

– Значит надо очень постараться помочь им, милый.

– Да, любовь моя.

– Тут ещё трудность в том, Рун, что я лишь для тебя легко могу колдовать. Чудо феи надо заслужить. Это всё же не в

толпе колдовство, гораздо легче, да и я привыкла немного, что здесь живу, они соседи как бы, значит чуточку роднее, для родных проще колдуется. Но всё равно. Непросто будет и поэтому.

– А ты опять для меня как будто колдуй. Так и быть, без штрафов.

– Так не получится в этот раз, к сожалению. Суженый мой. Мою природу не обмануть столь бесхитростно. В чём тут колдовство для тебя? Там было чудо для красоты, в прошлый раз, для всех, значит и для тебя. А здесь поиск. К тебе никакого отношения не имеющий.

Рун задумался.

– Мне чудеса интересны, Лала, – вскоре заметил он искренне. – Делай их чтобы меня удивить. Сотворишь магию поиска, когда я рядом, мне будет приятно подивиться на неё. На то, как ты ищешь. Тогда это будет и для меня. И ещё. Вот мы сходили к дяде Тияру. Теперь у него в доме лучше ко мне относятся. Я думаю. Благодаря тебе. Так же и тут. Поможешь семье мельника, они проникнутся признательностью к тебе, а через это и меня меньше станут недолюбливать. Как жениха твоего. Пользу мне тем принесёшь. Так, когда вернёшься в свой мир, глядишь смогу в деревне жить, уже не будут меня ненавидеть все. Появятся те, кто ко мне что-то доброе испытывает.

– Ох, Рун, а ведь так наверное выйдет! Обе причины хороши. Сразу почувствовала, что легче теперь колдовство со-

творится. Для мельника. Намного. Спасибо, милый! – безмерно обрадовалась Лала.

– Ну вот видишь! Я да не обману твою природу, – довольно похвалился Рун.

– Хвастунишка, – ласково сказала Лала, сияя.

– А вот и нет, – возразил он с улыбкой. – Говорю как есть. Дважды уж нашёл как обмануть.

Лала вдруг подлетела к нему вплотную и обняла сама.

– Я тебя люблю, – промолвила она тепло-тепло.

– Как удачно, – порадовался Рун. – Как раз в храм идём. Сразу и обвенчаемся, раз такое дело.

– Нет, мой зайныка, этого не будет, – произнесла Лала, с нежностью глядя ему в глаза. – Тут ты мою природу обмануть не сможешь. Я тебя люблю как друга.

– Ну, значит не сегодня. Но я всё равно найду как обмануть.

– А вот и нет, – разулыбалась она.

– А вот и да.

– Так хочешь взять меня в супруги?

– Хочу.

– А почему? Чтобы владеть моими чудесами?

Улыбка медленно сошла с лица Руна.

– Ну, это было грубовато, – заметил он с укором.

– Прости, зайныка, я не нарочно, ляпнула не подумав. В шутку, – извиняющимся тоном ласково повинилась Лала. – Уж мне ли не знать, какой ты. Ты со мной совсем не из ко-

рысти.

– А почему же тогда? – усмехнулся он.

– Потому что я красивая, – хитро побуравила она его очаровательными глазками.

– Вот это в точку, – весело подтвердил Рун. – А это не корысть? Хотеть тобою любоваться?

– Нет. Это твоя мужская природа.

– Всё-то ты знаешь, любовь моя, – с юмором посетовал он.

– Феи мудрые, – поведала она счастливо.

– Пойдём, Лала, а то глазают вон опять из-за оград, неловко, – проговорил Рун со смущением, заметив чужие любопытные лица.

– Ну и что, пусть смотрят. Разве ты не мой жених? – мягко попросила Лала. – Срази свою неловкость мечом любви ко мне, мой смелый рыцарь. Нет тут ничего недостойного, Рун. Обнять невесту на глазах у всех. Когда ей хочется твоих объятий.

– Да тебе всё время хочется, – вздохнул Рун. – За это и люблю.

– За это? – подивилась Лала.

– Ну, в том числе. Никто никогда не хотел быть со мной так сильно. Как ты. Согреваешь меня этим, – признался он. – Тянет тебя обнять, потому что знаю, ты счастлива будешь. От этого. От меня. Я люблю, когда ты счастлива.

– Спасибо, мой хороший, – тихо произнесла Лала с теплотой. Она отстранилась, взяла Руна за руку. – Пойдём уж.

Не буду заставлять тебя краснеть. Мой суженый. Раз ты такой стыдливый у меня.

– Я тебе дома всё компенсирую, – пообещал он с улыбкой.

– Ну ладно, – согласилась Лала, одарив его обворожительным взглядом.

Они отправились дальше.

– Между прочим, Рун, есть много рыцарей, кто на войне бесстрашен, а с дамами теряется, робеет. Это так мило, – сообщила Лала радостно.

– Может быть, – кивнул Рун. – Я тебя удивлю, Лала, но есть много крестьян, кто и на войне теряется, и с дамами. Мне рыцарем никогда не стать. А на войну лучше не попадать. Я не знаю, каким я там буду. Вряд ли сильно смелым. Я же не воин. Я не умею толком меч держать. Смелый крестьянин на войне быстро умрёт. Это ратные люди, кто мастера в обращении с оружием, и понимают как действовать в бою, позволить себе смелость могут. Я на поле брани буду просто удобная мишень для кого-то.

– Рун, так неправильно, – промолвила Лала чуть осуждающе.

– Что неправильно, Лала?

– Принижать свою смелость. Когда ты с девушкой. Ты должен не дать ей сомневаться в своей смелости, тогда ей будет с тобой надёжно, она будет чувствовать себя в безопасности, защищённой.

– Прости, голубка моя. Я думаю, смелость сильно зависит

от того, за что сражаешься. Если бы я защищал тебя, или бабулю, или дядю и его семью, я верю, я ни за что не отступил бы.

– Ну, так гораздо лучше, – похвалила Лала. – Спасибо, мой рыцарь. Мне приятно.

Вскоре они достигли храма. В деревне это просто небольшая постройка, нет в ней ничего величественного и величавого, как в больших городах, ни излишней высоты, ни вычурности архитектурных форм, ни украшающих элементов вроде лепнины, ни сияющих позолотой или ярким многоцветием куполов. Но всё же он сильно отличается от домишек вокруг. Они из круглых брёвен, он из обтёсанных в брусья, с ровными стенами, крашенными в синий цвет. У них кровли преимущественно из наколотых уложенных слоями в перехлёт, точно черепица, дощечек, у него строго четырёхугольная крыша из длинных гладких досок, выкрашенных белой краской, с башенкой-купальцем в середине. Дорожка к входу облагорожена с обеих сторон клумбами из цветов. Крестьяне у себя цветы не сажают, это единственные клумбы вообще в деревне. Лалу необычные цветочки очень заинтересовали и обрадовали, но к сожалению рассмотреть их в деталях она не смогла, отец Тай словно караулил, сразу выскочил из дверей, одетый в праздничный обрядник, а с ним и все его помощники: юный ученик-послушник лет 14-ти, из монастыря присланный с год назад, старушка одинокая, давно добровольно взявшая на себя обязанности уборки у

Тая и ряд его бытовых забот вроде готовки, зажиточный крестьянин Велим с женой Марой, наиболее щедрые постоянные благодетели-жертвователи храма, у них и работники, и сын старший, наследник, тоже уже женатый, за хозяйством приглядывают, позволяя частенько отвлекаться от дел земных на богоугодные. Ещё задумчивый старик без одной руки, бывший ратник по имени Мио, всегда с удовольствием берущийся за любую храмовую работу. Ну и несколько самых набожных бабушек, тоже по возможности подсобляющие Таю в уборке, стирке и прочих делах.

– Вы пришли! – радостно воскликнул отец Тай. Глаза его блестели. – Госпожа фея! Безмерно счастлив видеть вас в храме нашем. Я знал, что вы придёте, я не сомневался! Ведь феи добродетельны. А к небесам явиться на поклон. Смиренье выказать своё им. Это добродетель. Одна из главных в человеке. И в феях тоже, полагаю. Добро пожаловать. Вы веруете в Бога Небо? И сыновей его?

– Здравствуйте, святой отец, и вы все, люди добрые, – ответствовала Лала радушно. – Вы небопоклонники?

– Всё верно, – подтвердил отец Тай.

– В моей стране иная вера. Но вашу мы не отрицаем, – поведала Лала. – Мы верим в фею-праматерь. Однако её саму создали высшие силы, которые символизируют у нас примерно то же, что небо у вас, поэтому наши веры близки. В волшебном мире есть страны, где так же исповедуют небопоклонничество. Мы уважаем вашу веру. И ваших богов. Ес-

ли вы позволите преклонить колени перед ними и вознести им молитву, я была бы рада. Святое место есть святое место. Душе в нём станет легче и спокойней.

– О как вы правы! – восторгу Тая не было предела. – Позвольте вам представить моих друзей, тех, кто печётся о душе сильней всего из здешней публики, они и в храме мне помощники большие, и составляют часто компанию приятную в беседах на темы о возвышенных явлениях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.